

Раздел 2. ПРОБЛЕМЫ РЕЧЕВОГО ДИСКУРСА

УДК 808.2–3+808.2–73

Абдурахманова Л. Р.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПАРАДИГМА «ЛЮБОВЬ» В РАССКАЗАХ М. ЗОЩЕНКО

У статті розглядається текстове поле «любов» у творах М. Зощенко, визначаються художні парадигми, співвіднесені з наданим поняттям. Виявлено авторську синонімічну низку лексеми «любов».

Ключові слова: емоція, художня парадигма, текстове поле.

В статье рассматривается текстовое поле «любовь» в рассказах М. Зощенко, определяются художественные парадигмы, соотносимые с данным понятием. Выведен авторский синонимический ряд лексеми «любовь».

Ключевые слова: эмоция, художественная парадигма, текстовое поле.

The article deals with the text field «love» in the Zoschenko's stories, denotes belleslettres paradigms, which are correlated with this definition. An author's synonymic number of a lexeme «love» is revealed.

Key words: emotion, belleslettres paradigm, text field.

Постановка проблемы. Многогранность проявления эмоций на различных уровнях отражения деятельности, сложные отношения с предметным содержанием исключают возможность простой линейной классификации эмоций в психологии. Существующие в настоящее время классификации и дефиниции эмоций значительно отличаются друг от друга; кроме того, до сих пор нет единого подхода к их интерпретации.

Эмоции, аффекты, переживания, чувства, эмоциональные состояния, участвующие в образовании личностной сферы, могут быть зафиксированы в языке. Следовательно, они представляют интерес для лингвистического исследования.

Анализ литературы. Одни ученые признают существование базовых эмоций, другие считают, что человек конструирует эмоции, исходя из своего жизненного опыта, что эмоция является продуктом культуры, социализации и обучения.

Существуют и лингвистические концепции эмоций, суть которых сводится к тому, что есть мир (объект) и есть человек (субъект), способный отражать этот мир. Как языковая личность он отражает не механически все подряд, а страстно, только то, что ему необходимо. Данный процесс отражения регулирует эмоции, выступающие в роли посредника между миром и его отражением в языке человека [1, с. 9].

Если какие-то предметы, явления, факты соответствуют нашим потребностям или требованиям общества, они вызывают у нас положительное отношение, положительные эмоции. Если нет, они вызывают отрицательное отношение

и соответствующие переживания. Положительное отношение человека к чему-либо выражается в таких эмоциях, как любовь, удовольствие, радость, счастье, веселье, ликование. Отрицательное отношение выражается в эмоциях недовольствия, страдания, печали, горя, страха, ненависти, гнева.

Одним из средств экспликации смыслового потенциала эмотивных единиц является художественная парадигма.

Термин «парадигма» в науке трактуется в узком и широком смысле. Первоначально это понятие использовалось в морфологии и обозначало систему форм одного слова. Постепенно границы употребления данного термина расширились, и в современной лингвистике известны, кроме морфологической, синтаксическая, лексическая и словообразовательная парадигмы.

Художественная парадигма, по предположению Л. А. Петровой, может быть интерпретирована как инвариант образной парадигмы, включающей совокупность языковых единиц, объединенных эстетической функцией образного выражения объекта [2, с. 160].

Термин «образная парадигма» был введен в научный оборот Н. В. Павлович. Трактую образ как совокупность всех самых широких ассоциаций, которые он порождает, автор предлагает его описание через ряд сходных с ним образов. Языковые закономерности выражения определенного смыслового инварианта и представляют образную парадигму. Следовательно, «каждый поэтический образ, если он таковым является (т. е. есть двучленность, противоречие и отождествление), имеет инвариант, т. е. реализует некую парадигму» [3, с. 55].

Цель данной работы – рассмотреть особенности художественных парадигм со значением *любовь* в произведениях М. Зощенко, вошедших в сборник «Голубая книга».

Изложение основного материала. В рассказах М. Зощенко было выявлено несколько художественных парадигм со значением положительной эмоции, среди которых актуальными являются объединения единиц с доминантами «любовь», «сердце», «чувство», «черта характера», «радость». Самой представительной оказалась художественная парадигма с доминантой «любовь».

В лексикографической интерпретации Д. Н. Ушакова *любовь* – 1. Чувство привязанности, основанное на общности интересов, идеалов, на готовности отдать свои силы общему делу. || Такое же чувство, основанное на взаимном расположении, симпатии, близости. || Такое же чувство, основанное на инстинкте. 2. Такое же чувство, основанное на половом влечении; отношения двух лиц, взаимно связанных этим чувством. 3. перен. Человек, внушающий это чувство [4, с. 160].

В словаре В. И. Даля лексема *любовь* трактуется как «состояние любящего, страсть, сердечная привязанность, склонность, вожделение, охота, расположение к чему-либо» [5, с. 160].

Любовь в словарь русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой определяется следующим образом: 1. Чувство глубокой привязанности к кому-, чему-л. 2. Чувство горячей сердечной склонности, влечение к лицу другого пола. 3. Внутреннее стремление, влечение, склонность, тяготение к чему-л. [6, с. 209].

Рассмотрим, какое значение приобретает ключевое слово «любовь» в произведениях Михаила Зощенко.

Анализ рассказов М. Зощенко показал, что в них лексема *любовь* функционирует в значении «сердечная привязанность»: «...*И главное, смешная подробность: я в это лето одевался, как нарочно, исключительно худо... И вот, тем не менее, это на любовь не повлияло. И я через это счастлив и доволен, и даже мы вскоре женимся по взаимной любви*» (Мелкий случай из личной жизни) [7, с. 101].

Так в короткое время, *подгоняемая любовью и ревностью, наша Пелагея научилась читать и писать и стала грамотной* (Рассказ о письме и о неграмотной женщине) [7, с. 97].

Вот когда *госпожа смерть* подойдет неслышными стопами к нашему изголовью и, сказав «ага», начнет отнимать драгоценную и до сих пор милую жизнь, – мы, вероятно, наибольшие всего пожалеем об одном *чувстве*, которое нам при этом придется потерять. Из всех див-

ных явлений и чувств, рассыпанных щедрой рукой природы, нам, наверно, я так думаю, пожалуйче всего будет расстаться с *любовью* (Любовь) [7, с. 69].

Любовь в рассказах М. Зощенко может быть интерпретирована через авторский синонимический ряд: *любовь* – *встреча* – *слова* – *шепот* – *робкое дыхание* – *трели на гитаре* – *стишки* – *дамские крики* – *выстрел* – *рев младенца* – *звон денег*: «*Ну, конечно, любовь. Встречи. Разные тому подобные слова. И даже сочинения стихов на тему, никак не связанную со строительством, чего-то такое: «Птичка прыгает на ветке, на небе солнышко блестит...* (Мелкий случай из личной жизни) [7, с. 43].

Итак, на этом, проливши несколько капель слез и погоревав о падении и гибели многих хороших людей, мы закрываем наш отдел, озаренный несчастьем, и со своей романтической душой вступаем с пылкой надеждой в новый, радостный отдел – «*Любовь*». И мы уже слышим шепот, и робкое дыхание, и трели на гитаре, кой-какие стишки. И дамские крики. Выстрел. И рев младенца. И, пардон, кажется снова *звон денег* (Послесловие) [7, с. 68].

Художественная парадигма «любовь» реализуется через сочетаемость с глаголами физического действия (*любовь крутит*), глаголами поведения (*продолжать наше чувство, женился по взаимной любви, счастье встретиться*) и глаголами бытия (*возникла пылкая любовь, возникло чувство к ней*): «*А водолаз нарочно громко говорит контрольной комиссии: – На морде, – говорит, – проказа, а, между прочим, любовь крутит и барышень до самых дверей провожает*» (Рассказ о студенте и водолазе) [7, с. 272]; «*И мы там будем продолжать наше чувство*» (Романтическая история с одним начинающим поэтом) [7, с. 222]; «*А она с ним немножко погуляла и перекинулась на сторону полунинтеллигенции. Она на Малашикина кинулась. Может, он ей разговорчивей показался. Или у него руки были чище. И у нее с ним возникла пылкая любовь*» (Рассказ о студенте и водолазе) [7, с. 272]. «*И там они имели неожиданное счастье встретиться. Они там познакомились. И у него возникло чувство к ней. И она тоже им исключительно увлеклась*» (Романтическая история с одним начинающим поэтом) [7, с. 222]. «*Начали они вместе выходить. Начали даже под ручку прохаживаться. Начали разные всякие любовные слова произносить*» (Коварство и любовь) [7, с. 117].

Представленные контексты показывают, что для М. Зощенко *любовь* – это чувство привязанности, основанное на сердечных отношениях людей, а не на общности идеалов. Художест-

венные парадигмы организованы по принципу текстовых полей.

Под полевой структурой понимается объединение разных элементов языка, имеющее следующие признаки языкового поля: объединение в составе поля однородных и разнородных элементов; выделение ядра и периферии поля и распределение функций между ними; вычленение микрополей в структуре поля; частичное наложение разных полей друг на друга.

М. Л. Новикова говорит о необходимости расширения семантического поля, в частности, определения и исследования его как текстовой структуры. В текстовом поле, как и в обычном языковом, обнаруживается определенная иерархическая структура: центральная (ядерная) и периферийные части. Последние представляют собой результат пересечения рассматриваемого поля со смежными [8, с. 176].

В структуре текстового поля «любовь» выделяются следующие художественные парадигмы:

а) со значением «место обитания»: *«Гуманные чувства заполняют мое сердце. Я вынимаю кошелек, недолго роюсь в нем, достаю рубль и от чистого сердца, с небольшим поклоном, подаю старухе. И у самого от полноты чувств слезы, как брильянты, блестят в глазах»* (Мелкий случай из личной жизни) [7, с. 43]; *«С переполненным сердцем я вернулся домой и записал эту сценку, которую вы сейчас читаете»* (Страдания молодого Вертера) [7, с. 212]; *«А это написал солидный дядя лет сорока восьми, очень невероятно толстый и несчастный в своей личной жизни. Тем не менее он тоже, как видите, считает, что все мертво и безжизненно, пока в его сердце не возникла любовь»* (Любовь) [7, с. 72]; *«Снова радость и любовь к людям заполняют мое сердце. Снова им хочется сказать что-нибудь хорошее...»* (Страдания молодого Вертера) [7, с. 212].

б) со значением «поведение»: *«... И как-то так энергично стою, весело. Охота петь, веселиться, дурака валять. Охота кого-нибудь толкнуть, подиутить или схватить за нос. На душе пенья раздается, и сердце разрывается от счастья»* (Мелкий случай из личной жизни) [7, с. 43]; *«Но поскольку им, собственно, нигде было встретиться, то они, буквально как Ромео и Джульетта, стали встречаться на улице или в кино или забежали в кафе, чтобы перекинуться нежными словами»* (Забавное приключение) [7, с. 110].

в) со значением «признак места обитания»: *«Так вот, раз однажды стою в кино со своим чувствительным сердцем и дожидаясь свою даму»* (Мелкий случай из личной жизни) [7, с.

43]; *«А то, если работу нежно любить, а людей забывать, то получится не то, что требуется. Так что уважать людей и любить их надо со всей силой своего сознательного сердца»* (Удивительные события) [7, с. 264].

г) со значением «чувство»: *«...Тут в вагоне происходит веселый смех, дающий здоровую зарядку...»* (Происшествие) [7, с. 277]; *«И там они имели неожиданное счастье встретиться. Они там познакомились. И у него возникло чувство к ней. И она тоже им исключительно увлеклась»* (Романтическая история с одним начинающим поэтом) [7, с. 222].

Таким образом, в произведениях М. М. Зощенко лексема *любовь* функционирует в значении «сердечная привязанность», которое определяет формирование художественных парадигм. Художественные парадигмы лексем «любовь» обуславливают авторский синонимический ряд.

Проанализированные контексты указывают на то, что для М. Зощенко *любовь* – это чувство привязанности, основанное на сердечных отношениях людей, а не на общности идеалов. Художественные парадигмы со значением «место обитания», «поведение», «признак места обитания», «чувство» включаются в текстовое поле «любовь».

ЛИТЕРАТУРА

1. Погосова К. О. Концепты эмоций в английской и русской языковых картинах мира : автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук / К. О. Погосова. – Владикавказ, 2007.
2. Петрова Л. А. Художественная картина мира в русском сатирико-юмористическом нарративе начала XX столетия : дис. ... докт. филол. наук. 10.02.02 / Луиза Александровна Петрова. – К., 2008. – 418 с.
3. Павлович Н. В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке / Н. В. Павлович. – М. : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1995. – 491 с.
4. Толковый словарь русского языка : в 4-х т. / [под ред. проф. Д. Н. Ушакова]. – М. : Государственное изд-во иностранных и национальных словарей. – Л.–Ояловеть, 1938. – Т. 2. – 1040 с.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х т. / В. И. Даль. – М. : Русский язык, 1999. – Т. 2. – 779 с.
6. Словарь русского языка : в 4 т. / [под ред. А. П. Евгеньевой]. – 3-е изд. – М. : Русский язык, 1986–1988. – Т. 2. К–О. – 1986. – 736 с.
7. Зощенко М. М. Голубая книга. Повести / Михаил Михайлович Зощенко. – К. : Дніпро, 1988. – 432 с.
8. Новикова М. Л. Отстранение как основа образной языковой семантики и структуры художественного текста / М. Л. Новикова. – М. : Изд-во Российского ун-та Дружбы народов, 2005. – 307 с.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНЦЕПТОВ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

У статті розглянуті існуючі методи вивчення концептів. Огляд спеціальної літератури виявив, що більшість дослідників при вивченні концептуальної системи використовують аналіз сполучуваності ключового слова концепту.

Ключові слова: метод, концепт, сполученість слів, кримськотатарська мова.

В статье рассмотрены существующие методы изучения концептов. Обзор специальной литературы выявил, что большинство исследователей при изучении концептуальной системы используют анализ сочетаемости ключевого слова концепта.

Ключевые слова: метод, концепт, сочетаемость слов, крымскотатарский язык.

Existing methods of concept studies are reviewed in this article. The review of the special literature has revealed that the majority of researchers at studying of conceptual system use the analysis of compatibility of a keyword of concept.

Key word: method, concept, word combination, Crimean-Tatar language.

Постановка проблеми. С 80-х годов XX века в отечественной лингвистической литературе стал активно употребляться термин «концепт». К настоящему времени накоплен значительный теоретический материал, раскрывающий содержание и объем данного понятия, определяемого нами как ментальное национально-специфическое образование, отражающее культуру и мировидение народа. Однако вопросы, касающиеся методов исследования концептов, остаются дискуссионными.

Цель данной статьи – проанализировать существующие методики изучения концептов, апробированные в работах известных лингвистов, и наметить наиболее приемлемые из них для исследования эмоциональной концептосферы крымскотатарского языка.

Изложение основного материала. В настоящее время можно говорить о двух тенденциях в изучении концептов. Во-первых, это изучение особенностей концептов и их функционирования в словарях, паремиях, художественных и публицистических текстах. Во-вторых, это экспериментальное исследование концептов (например, методом свободного ассоциативного эксперимента и рецептивного эксперимента).

Ассоциативный метод рассматривают как «специфичный для данной культуры и языка «ассоциативный профиль» образов сознания, интегрирующий в себе умственные и чувственные знания, которыми обладает конкретный этнос» [1, с. 67]. В рамках ассоциативного эксперимента испытуемые реагируют на словестимулы любой словесной реакцией, приходящей в голову. Интерпретация полученных ассоциатов позволяет «эксплицировать специфику концептуализации явлений реальной действительности, учитывая культурные и другие осо-

бенности личности-носителя определенного языка и культуры» [2, с. 138].

В рецептивном эксперименте исследуется знание и понимание значения языковой единицы носителями языка [3, с. 72]. При этом используются различные методики, например, испытуемым предлагают дать свое определение значения слова; назвать слова, близкие по значению, и слова, противоположные по значению; описать зрительный образ, который вызывает слово; подобрать слово, наиболее подходящее к предложенной дефиниции [4, с. 21].

Необходимо отметить наличие синхронного аспекта экспериментальных исследований концептов, так как «в ходе эксперимента выявляются актуальные, а не потенциальные смыслы, слои концепта, те, которые важны для носителей языка сегодня и сейчас» [5, с. 16].

Источником для изучения концептов, помимо экспериментального материала, является также словарный материал. Например, А. П. Бабушкин, определяя концепт как «дискретную единицу коллективного сознания, которая хранится в национальной памяти носителей языка в вербально обозначенном виде» [6, с. 53], утверждает, что, учитывая инверсию отношений именованности – способность слова имплицировать его определение, идеальная сущность концепта «улавливается» словом и дублируется в его определении [6, с. 53–54]. Автор предлагает методику обнаружения концептов, строящуюся на лингвистическом подходе к их описанию. Эта методика заключается в определении типа концепта на основе анализа словарной дефиниции лексемы.

В работах Н. А. Красавского, где концепт рассматривается как «этнически, культурно обусловленное сложное структурно-смысловое, как

правило, лексически и/или фразеологически вербализованное образование, базирующееся на понятийной основе, включающее в себя помимо понятия образ, оценку и культурную ценность» [7, с. 29], также предлагается использование метода дефиниционного анализа. Исследователь квалифицирует словарную статью как культурно релевантный тип вербального текста, в котором раскрыта базисная (собственно понятийная) структура и ассоциативно-образная основа культурного концепта. Если в дефиниционной части словарной статьи раскрываются наиболее важные признаки определяемого понятия, то в иллюстративной части эксплицированы его ценностные и образно ассоциативные компоненты [8, с. 115].

В. А. Маслова для исследования сущности концепта предлагает использовать лингвистические, а также культурологические и социологические методы – методiku контент-анализа, фреймовый анализ, нарративный анализ, восходящий к В. Проппу, методы полевой этнографии (описание, классификация, метод пережитков и др.), открытые интервью, применяемые в психологии и социологии, метод лингвистической реконструкции культуры. В своей работе ученый предлагает проведение анализа, включающего следующие этапы:

- 1) определение референтной ситуации, к которой принадлежит данный концепт, а при наличии художественного текста эта операция производится на его основе;
- 2) установление места данного концепта в языковой картине мира и языковом сознании нации через обращение к энциклопедическим и лингвистическим словарям; при этом словарная дефиниция считается ядром концепта;
- 3) обращение к этимологии и учет ее особенностей;
- 4) привлечение художественных контекстов и паремнологических единиц (поговорок и пословиц);
- 5) сопоставление полученных результатов с анализом ассоциативных связей ключевой лексемы (ядра концепта) [9, с. 45–46].

И. А. Стернин в своем исследовании указывает, что ядро концепта лучше всего отражает семантика ключевого слова, именуемого концепт, поэтому необходимо выявить ключевые слова-репрезентанты концепта в языке. (Автор уточняет возможные термины: ключевые слова-репрезентанты, базовые лексемы репрезентанты, единицы, осуществляющие базовую вербализацию концепта, базовые языковые репрезентации концепта) [10, с. 61–62].

Н. В. Крючкова в своем исследовании «Лингвокультурное варьирование концептов» предлагает для изучения концептов такой мето-

дический прием, как анализ лексических парадигм различного объема и типа, вербализующих тот или иной концепт, а именно:

- а) синонимического ряда ключевого слова (такой анализ позволяет акцентировать дифференциальные признаки концепта, выявляющиеся в сопоставлении ключевой лексической репрезентации с близкими по значению словами);
- б) лексико-семантического, лексико-фразеологического, ассоциативно-семантического поля ключевого слова (этот метод предполагает подбор не только синонимов, но и антонимов, гиперонима и согипонимов ключевого слова, выявление ядра и периферии поля);
- в) деривационного поля ключевого слова (анализ деривационных возможностей ключевой лексемы, реализующей концепт, и семантики выявленных дериватов позволяет обнаружить дополнительные когнитивные признаки исследуемого концепта) [4, с. 17].

Автором также предполагается выявление семного состава ключевого слова с помощью анализа толкований базовой лексической репрезентации концепта в толковых словарях, привлечения этимологических данных, сведений о развитии и становлении значения ключевой лексемы [4, с. 16].

Н. А. Красавский считает «целесообразным и чрезвычайно технологичным» применение метода этимологического анализа при изучении концептов. Знание первичных форм и значений слов, употребляемых в языках на современном этапе их развития, позволяет ученому увидеть важнейшие направления вербально-когнитивных поступков человека в диахронии его культуры [11, с. 26].

Необходимо отметить концептуально-идеографический анализ концептов, предложенный В. Н. Телия. Автор в своем исследовании приводит фрагменты анализа концептов, состоящего из следующих этапов: выявление языковых единиц, используемых для обозначения концепта; предварительная идеографическая параметризация концепта по его частям; построение на этой основе концептуального каркаса, на который «накладываются» способы номинации концепта; выделение таксономических сеток внутри каждого из параметров концепта; полученные таким образом параметрически выделенные идеографические массивы данных дают возможность выявить базовую для них метафору, которая в свою очередь служит мотивирующим основанием для соотнесения с той или иной категорией культуры [12, с. 260–262].

Большой вклад в описание теории исследования концептов, изучение специфики концеп-

тосфер и отдельных концептов в синхронии и диахронии внесла М. В. Пименова, под руководством которой, начиная с 2003 года, издана серия «Концептуальные исследования». М. В. Пименова под концептом понимает «некое представление о фрагменте мира или части такого фрагмента, имеющее сложную структуру, выраженную разными группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами» [3, с. 81]. Исследователь в своем труде детально представила этапы исследования концепта. Первый этап – анализ внутренней формы слова, репрезентирующего концепт. Репрезентантов концепта может быть несколько. В этом случае производится анализ всех форм и их сопоставление для выявления общих и специфических признаков. Второй этап – анализ лексического значения. Третий этап – выявление синонимического ряда лексемы – репрезентанта концепта. Данный этап включает в себя выявление общих свойств и особенностей синонимов. Четвертый этап – описание способов категоризации концепта в языковой картине мира. Пятый этап – анализ функциональных признаков. Шестой этап – определение образных способов концептуализации как вторичного переосмысления лексемы – репрезентанта концепта, исследование концептуальных метафор. Седьмой этап исследования заключается в выявлении категориальных признаков пространства и времени в структуре изучаемого концепта. Восьмой этап – выявление ценностных признаков концепта. Девятый этап – исследуются сценарий, т. е. событие, разворачивающееся во времени и/или пространстве, предполагающее наличие субъекта, объекта, цели, условий возникновения, времени и места действия [3, с. 85].

Обзор специальной литературы выявил, что большинство исследователей при изучении концептуальной системы считают более продуктивным использование анализа сочетаемости ключевого слова. Подобный метод впервые независимо был применен Н. Д. Арутюновой в книге «Предложение и его смысл» [13]. Л. О. Чернейко и Хо Сон Тэ, определяя концепт как особый ракурс рассмотрения абстрактных имен, объединяющий все виды знания и представлений, накопленных народом [14, с. 51], отмечают, что анализ сочетаемости имен концептов, дополняя лексикографические данные, позволяют выстроить ту картину мира, которая присуща обыденному сознанию [14, с. 59].

И. А. Стернин отмечает, что анализ сочетаемости лексем, объективирующих концепт в языке, дает возможность выявить некоторые составляющие концепта. Из сочетаемости можно выявить способы категоризации концептуализи-

руемого явления. Выявленные способы категоризации (когнитивные метафоры) должны быть сформулированы как определенные содержательные признаки, входящие в структуру концепта [10, с. 62–63].

Приняв во внимание существующие методики исследования концептов, считаем, что для наиболее полной экспликации структуры концептов эффективной может считаться методика, предполагающая следующие этапы:

- 1) выявление языковых репрезентантов исследуемых концептов;
- 2) рассмотрение этимологии имени концепта (ключевого слова) с целью выявления признаков, положенных в основу номинации;
- 3) анализ парадигматических отношений ключевого слова;
- 4) анализ сочетаемости ключевого слова концепта, выявляющий способы метафорической концептуализации изучаемого объекта;
- 5) анализ фразеологических, паремиологических единиц, позволяющий охарактеризовать наивные представления о каком-либо явлении.

В данной работе предлагаем в сжатом виде применить предложенную методику на примере анализа эмоционального концепта «ачув», который является одной из базовых составляющих крымскотатарской картины мира.

По данным этимологического словаря тюркских языков лексема *ачув* образовалась от «глагольно-именных омоформ *ач* с комплексным значением, в состав которого входит «'горечь', 'горький', 'кислость', 'кислый', 'едкость', 'едкий'» [15, с. 92]. На современном этапе развития крымскотатарского языка *ачув* представляет собой лексему, выступающую как номинант эмоции гнев, и является доминантой синонимического ряда: *афакъан*, *ачув*, *оке*, *гъарез*, *кин*, *хышым* [16, с. 15].

Анализ лексической сочетаемости слов-репрезентантов концепта позволил выявить, что в крымскотатарском языке частотна репрезентация гнева через образ живого существа *Олегни ачув ве чаресизлик богъа*. (С. Э.) «Олега душат гнев и безысходность». На материале крымскотатарских фразеологизмов, собранных У. Куркчи, видим, что гнев может «возвращаться» – *ачувынъ къайтмакъ*, «выходить» – *ачувынъ чыкъмакъ*, «успокаиваться» – *ачувынъ ятышмакъ*, что на гнев можно «наступить» – *ачувынъ басмакъ*, «выпустить» его – *ачувынъ чыкъармакъ*, «ходить» к нему – *ачувынъа кетмек* [17, с. 139].

Описание гнева строится и на основе других метафор: а) гнев – жидкость: *Къайнана озь ачувынъ келининъ устюне тѣкти*, *лякин бунынънен де юреги бошамады*. (У. Э.) «Свекровь изли-

ла свою злость на невестку, но её сердце этим не успокоилось». *Къалбинде ачув далгъалары къабарды, таиты.* (И. П.) «В его душе вздымались и вскипали волны гнева»; б) гнев – огонь: *Исправник койлюернинъ мыскъыллы юзюндеки тебессюмни корип, ачувнен алевленсе де, бойле бир баланен давалашып озюни масхара этмек истемеди.* (Ю. Б.) «Исправник, заметив на лицах селян насмешливые улыбки, хоть и воспламенился от гнева, не захотел унижать себя, споря с ребенком»; в) гнев – твердое вещество: *Хошнутсызыкъ, ачув, кин онынъ къальбинде эр вакъыт таш олып къатып къалса да, ич бир вакъыт тышкъа чыкъып, озюни арекетте косьтермей эди.* (Ю. Б.) «Недовольство, злость, гнев, камнем застывшие в его сердце, никогда не обнаруживали себя». *Онынъ юзюнде къатиет, козьлеринде исе ачув къатып къалгъандай эди.* (А. О.) «Казалось, что его лицо выражает категоричность, а глаза – застывшую злость».

Гневу, как правило, приписывается отрицательная оценка. Данная эмоция противопоставляется уму. Человек в этом состоянии не способен рассуждать, объективно оценивать ситуацию: *Ачув – душман, акъыл – дост.* (посл.) «Гнев – враг, ум – друг». Гнев представляет опасность как для психического, так и физического здоровья человека. *Ачув кельсе, акъыл кете.* (посл.) «Когда приходит гнев – ум уходит». Умеющий контролировать гнев будет здоров: *Озь ачувыны енъген чокъ яшар.* (посл.) «Поборовший свой гнев, будет долго жить».

Итак, на примере анализа эмоционального концепта «ачув» мы кратко проиллюстрировали некоторые методы, которыми следует воспользоваться при изучении концептов.

Вывод. Большое количество методик анализа концептов свидетельствует о процессе становления системы подобных исследований. На данный момент выбор методов определяется материалом исследования и содержанием, которое вкладывает исследователь в термин «концепт».

ЛИТЕРАТУРА

1. Уфимцева Н. В. Сопоставительное исследование языкового сознания славян / Н. В. Уфимцева // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научное издание / под ред. И. А. Стернина. – Воронеж : ВГУ, 2001. – С. 65–71.
2. Сегал Н. А. Ассоциативный эксперимент как метод исследования культурных концептов / Н. А. Сегал // Культура народов Причерноморья. – 2005. – № 69. – С. 136–138.
3. Пименова М. В. Введение в концептуальные исследования : учебное пособие / М. В. Пименова, О. Н. Кондратьева ; [ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет»]. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 2006. – 179 с.

4. Крючкова Н. В. Лингвокультурное варьирование концептов / Н. В. Крючкова. – Саратов : Научная книга, 2005. – 165 с.
5. Мамонова Ю. Концепт и способы его исследования / Ю. Мамонова // Язык – культура – сознание : международный сборник научных трудов по лингвокультурологии / отв. ред. Е. Е. Стефанский. – Самара : Самарская гуманитарная академия, 2005. – С. 13–17.
6. Бабушкин А. П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления / А. П. Бабушкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики : научное издание / под ред. И. А. Стернина. – Воронеж : ВГУ, 2001. – С. 52–57.
7. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской культурах : монография / Н. А. Красавский. – Волгоград : Перемена, 2001. – 493 с.
8. Красавский Н. А. Русская и немецкая концептосферы эмоций (опыт лингвокультурологического анализа словарных статей) // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научное издание / под ред. И. А. Стернина. – Воронеж : ВГУ, 2001. – С. 113–118.
9. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика : учебное пособие / В. А. Маслова. – Минск : ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
10. Стернин И. А. Методика исследования структуры концепта / И. А. Стернин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научное издание / под ред. И. А. Стернина. – Воронеж : ВГУ, 2001. – С. 58–65.
11. Красавский Н. А. Лингвистические методы исследования эмоциональных концептов / Н. А. Красавский // Лингвистические парадигмы: традиции и новации : материалы международного симпозиума молодых учёных «Лингвистическая панорама рубежа веков». – Волгоград : Перемена, 2000. – С. 18–28.
12. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
13. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1976. – 283 с.
14. Чернейко Л. О. Концепты *жизнь* и *смерть* как фрагменты русской языковой картины мира / Л. О. Чернейко, Хо Сон Тэ // Филологические науки. – 2001. – № 5 – С. 50–59.
15. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на гласные) / Э. В. Севортян. – М. : Наука, 1974. – 767 с.
16. Девлетов Р. Р. Къырымтатар тили синонимлери. Лугъат / Р. Р. Девлетов. – Симферополь : ДОЛЯ, 2002. – 112 с.
17. Куркчи У. Сёз бирикмелери / У. Куркчи // Йылдыз. – 1987. – № 2. – С. 136–141.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

(Ю. Б.) – Юсуф Болат	(С. Э.) – Сейтумер Эмин
(А. О.) – Айдер Осман	(У. Э.) – Урие Эдемova
(И. П.) – Ибраим Паши	(посл.) – пословица

РОЛЬ КУЛЬТУРНОГО ЧИННИКА В МЕТАФОРИЗАЦІЇ ПРЕДИКАТІВ

У статті обговорюється роль, яку відіграє культурний компонент у формуванні оцінки в предикатних метафорах. На прикладі предиката обрости / обрасти показано, як на семантичні ознаки метафоричного дієслова впливають ментальні образи базової ситуації.

Ключові слова: предикатна метафора, культурний компонент, емотивна оцінка, імплікація, аксіологічний параметр.

В статье рассматривается роль культурного компонента в формировании оценки в предикатных метафорах. На примере предиката обрости / обрасти показано, как влияют ментальные образы базовой ситуации на семантические признаки метафоричного глагола.

Ключевые слова: предикатная метафора, культурный компонент, эмотивная оценка, импликация, аксиологический параметр.

The article discusses the role played by the cultural factor in shaping the evaluative component of predicate metaphors. At the example of the Ukrainian and Russian predicate obrosty / obrasty the author shows how mental images of the source situation influence the semantic features of a metaphorical verb.

Key words: predicate metaphor, cultural component, emotive evaluation, implication, axiological parameter.

Постановка проблеми. Як відомо, метафори належать до знаків вторинної номінації, які виникають на основі вже існуючих мовних одиниць, перебираючи від них частину семантичних ознак. Дослідники зазначають, що знаки вторинної номінації «характеризуються взаємодією мовного, комунікативного, психічного та культурного аспектів» [1, с. 4]. Процеси метафоризації посідають особливе місце серед інших механізмів, які призводять до утворення знаків вторинної номінації, оскільки в цих процесах виразно й наочно виявляється специфіка когнітивної діяльності людини – тих операцій над знанням, які призводять до кристалізації та утворення нового знання, що згодом фіксується в семантиці нової мовної одиниці.

Аналіз літератури. Важливо підкреслити ту роль, яку відіграє культурний чинник при творенні метафори, адже саме ієрархічна система культурних цінностей, що формується нацією протягом багатьох поколінь, виступає тим підґрунтям, на якому відбувається породження нового знання про світ. Сказане стосується передусім тих метафор, які містять в своїй семантичній структурі прагматичний (оцінний чи емоційний) компонент. Вони служать для вираження ставлення мовці до об'єкта чи адресата мовлення. В багатьох роботах, присвячених метафорі (див. праці О. Вольф, В. Телія, Н. Арутюн-Нової та ін.), зазначається, що оцінки становлять характерну особливість саме метафоричної семантики, оскільки вихідне значення відповідної лексеми позбавлено експресивності і є нейтральним щодо оцінок (пор. метафори *докопатися*, *пересолити*, *зірватися*, *глухий*, *гострий*, *ведмідь*, *свиня* та відповідні лексеми в прямому

значенні). Експресивність знаків вторинної номінації, як вважає більшість науковців, безпосередньо пов'язана з тим образом, який задається внутрішньою формою знака.

Що ж до джерела оцінки метафори, то, на думку О. Вольф, яка одною з перших поставила цю проблему, його слід шукати в тих оцінках, які приписуються носіями мови екстралінгвістичним явищам, тобто різним фрагментам дійсності та їх властивостям. «В основі оцінних змістів метафор лежить ціннісна картина світу» [2, с. 57]. Оцінки входять в лексичне значення слова в його прямому значенні у вигляді маргінальних імпліцитних змістів, названих конотаціями, і виявляються експліцитно в семантиці знаків вторинної номінації, передусім в метафорах та ідіомах (див. докладніше [3, с. 169–173]).

Таким чином, джерелом оцінки знаків вторинної номінації виступають ті культурні змісти, які виробляються членами мовно-культурного колективу і приписуються певним фрагментам дійсності. Переносючи мовний знак з донорської зони на реципієнтну, мовці актуалізують в ньому той оцінний зміст, який було співвіднесено з відповідним явищем донорської зони. При аналізі мовних одиниць – носіїв оцінних змістів – з'являється можливість встановити як сам факт оцінювання певного явища дійсності в національній концептуальній картині світу, так і характер оцінки. Як відомо, національна концептуальна картина світу, попри сталість певних її фрагментів, що мають характер базових й універсальних, є явищем динамічним, змінним в часі. Доволі нестабільними виявляються й аксіологічні характеристики, що також входять до концептуальної картини світу і становлять її важливий

компонент, орієнтований безпосередньо на культурні цінності, вироблені мовним колективом. Отже, виявлення джерела оцінки певної мовної одиниці потребує проникнення у ті культурні сфери минулого, які залишають свій слід в семантичній структурі знаків вторинної номінації.

Метою статті є виявлення джерел прагматичного змісту, притаманного предикату *обросли*. Пошуки відповіді на це питання вимагають аналізу культурного підґрунтя ситуацій, позначуваних предикатом *обросли* в його прямому значенні, тобто виявлення тої культурної основи, на якій утворилося метафоричне дієслово *обросли*.

Викладення основного матеріалу. Об'єктом нашого дослідження є переносні (метафоричні) значення дієслова *обросли* в українській та російській мовах. Його семантико-функціональна специфіка полягає в тому, що він співвідноситься з неоднорідним масивом позамовних ситуацій, в якому можна виділити декілька референтних типів. Це, очевидно, не може не відбитися на семантиці предиката, який тим самим тяжіє до полісемантичних. Зокрема, цей предикат позначає як цілком конкретні, спостережувальні ситуації (*дах обріс антенами*), в яких легко виявити образно-зорову основу, що забезпечує зв'язок з прототиповою «картинкою» обростання, так і ситуації умоглядні, не дані в прямому спостереженні (*сім'я обросла боргами*). У відповідності до цього в тлумачних словниках української та російської мов для метафоричного *обросли* подається декілька підзначень.

Наявність неоднорідної референції породжує декілька питань. Перше питання стосується семантичної інтерпретації метафоричного предиката *обросли*: чи можливо дати йому таку дефініцію, яка охоплювала би весь гетерогенний клас ситуацій? Друге питання пов'язане з механізмом утворення метафоричного *обросли*: чи лежить в основі всіх його семантичних різновидів той самий образ донорської зони? Якщо джерелом метафори був не один, а декілька образів, то які саме їх елементи було перенесено в семантику метафоричного *обросли* в різних його вживаннях? Третє питання зумовлене тим фактом, що значна частина ситуацій, номінованих метафоричним *обросли*, оцінюється мовцями негативно, тоді як з предикатом *обросли* в його прямому значенні оцінки не пов'язуються.

Типи референтних ситуацій

Метафоричне *обросли* співвідноситься з різнорідним (гетерогенним) класом ситуацій. Можна говорити як мінімум про чотири типи ситуацій, тобто десигнатів дієслова, яким відповідають виділені у словниках української та російської мов підзначення.

1. До об'єкта – конкретного неживого предмета, розташованого в центрі, з різних боків або з якогось одного боку додаються інші неживі об'єкти, внаслідок чого центральний об'єкт починає займати більшу площу чи об'єм (див. словникове тлумачення: «увеличить свои размеры, протяженность в результате присоединения чего-либо» [МАС 2, с. 561]). *Місто обросло присілками. Село обросло дачами. Дах обріс антенами.*

(1) *Неужели ради водопровода надо скучивать целую деревню, понимаете, просторную зеленую деревню <..> всю ее скучивать в один двухэтажный длинный кирпичный дом, который сразу же, словно коростой, обрастает сараюшками, уличными фанерными уборными, в дождливую погоду оказывается посредине жидкой грязи.* В. Солоухин. Последняя ступень.

2. Учасник ситуації – особа – поступово привласнює собі певні предмети, розширюючи тим самим свою сферу володіння. Див. дефініцію: «живя где-либо, приобрести, завести что-либо, обзавестись чем-либо» [МАС 2, с. 561–562], «збагачуватися шляхом придбання чогонебудь» [СУМ 5, с. 571]. *Він обріс маєтками. Сім'я обросла господарством.*

(2) *Але люди обростатимуть невпинно новими речами, новими предметами, нав'язаними їм чужою волею... люди задихатимуться від тих предметів, самі перетворюються на предмети бездушні й скам'янілі... Речі знищать колись людину.* П. Загребельний. Диво.

3. Учасник ситуації – особа – поступово розширює коло своєї соціальної взаємодії. Пор.: «оточувати себе ким-небудь у зростаючій кількості» [СУМ 5, с. 571]. *Він обріс прихильниками.*

(3) *Врач «скорой» быстро обрастает знакомствами среди коллег.* М. Веллер. Приключення майора Звягина.

4. Об'єкт – текст, якому надається певний сенс, – обробляється і доповнюється таким чином, що стає можливою інша, відмінна від первісної, його інтерпретація. Пор.: «дополниться, пополниться чем-либо» [МАС 2, с. 562]. *Подія обросла легендами. Закон обріс інструкціями.*

(4) *Слух о подкрепленьи Барсукам оброст множеством несуразниц. Было девкам о чем судачить на посиделках в мокрые осенние вечера.* Л. Леонов. Барсуки.

Виділені типи ситуацій феноменологічно нееквівалентні і належать до різних аспектів буття. Деякі з них розгортаються перед очима спостерігача і можуть бути сприйняті як щось цілісно-конкретне, інші потребують від суб'єкта свідомості абстрагування від конкретних деталей і здійснення відповідних мисленевих процедур. Зауважимо також, що наведений перелік типів ситуацій очевидно не вичерпний, його

можна доповнювати іншими ситуаціями, які допускають номінацію предикатом *обрости*, на-пр.: *завод обріс фірмами-посередниками; слово обросло новими змістами; він обріс звичками.*

Дефініція метафоричного «обрости»

На основі аналізу ментальних моделей ситуацій, описуваних метафоричним предикатом *обрости*, пропонуємо для нього таку пропозитивну дефініцію: **X обростає / обріс Y_{PL}**: «Внаслідок цілеспрямованої діяльності або поведінки людини в оточенні X-а поступово з'являється / з'явилося багато однорідних об'єктів Y. Мовець вважає, що кількість наявних на момент спостереження об'єктів Y перевищує кількість, оптимальну для даного X-а, і тому негативно оцінює ситуацію, що склалася».

Запропоноване тлумачення містить два компоненти. Перший стосується дескриптивного, а другий – прагматичного (експресивного) змісту метафоричного предиката *обрости*. Дескриптивний компонент присутній в усіх випадках вживання цього предиката. Прагматичний компонент може бути послаблено чи цілком нейтралізовано, як, наприклад, у висловлюванні *Дах обріс антенами*, див. також (1). Обираючи предикат *обрости*, мовець переважно характеризує ситуацію як негативну чи нейтральну. Зауважимо, що часто негативна оцінка вводиться як ледве помітний елемент висловлювання. Інколи її можна виявити, якщо помістити висловлювання в ширший контекст. Так, у фразі *Заява обросла резолюціями*, на перший погляд, актуалізовано лише зовнішній вигляд об'єкта, але при її розширенні (*Заява обросла резолюціями, а справа досі не вирішена*) негативна оцінка, що вноситься предикатом *обрости*, стає очевидною.

Зауважимо, що метафоричне *обрости* маркує передусім такі ситуації, коли наявність низки однорідних предметів на периферії центрального об'єкта X або спотворює його сутність, як в (4), або деформує його зовнішньо, як в (1), або перешкоджає його нормальному функціонуванню, як в (2). Загалом можна твердити, що вирішальне значення відіграє саме кількісний показник: чим більше однорідних предметів з'являється в оточенні якогось об'єкта X, тим більше ймовірність, що вони будуть позначатися на ньому негативно. Отже, негативна оцінка ситуації викликана дисбалансом між наявною кількістю об'єктів та їх оптимальною кількістю (як цей оптимум уявляє собі спостерігач – суб'єкт свідомості).

Отже, негативна оцінка, яка включається в прагматичний компонент семантики метафоричного *обрости*, є суб'єктивною (емотивною) і залежить від ставлення до ситуації конкретного мовця. Ситуація, позначувана цим дієсловом,

осмислюється в поняттях «подобається» – «не подобається» і корелює з емоційним станом, в якому перебуває суб'єкт свідомості в момент спостереження.

Джерела негативної оцінки

Загалом очевидно, що наявність певних предметів (явищ) на периферії (в оточенні) центрального об'єкта, коли йдеться про результати цілеспрямованої людської діяльності, далеко не завжди оцінюється негативно. Так, не прийнято давати негативну оцінку людині, яка набула багато книжок або має велику кількість друзів, навпаки, такі ситуації заслуговують на схвалення. Тому вони не можуть бути марковані предикатом *обрости* (пор. нестандартне *обріс друзями* та узуальне *обріс знайомими, прихильниками, учнями*).

Наведені приклади засвідчують, що предикат *обрости* не лише описує наслідки цілеспрямованої діяльності людини, а опосередковано відбиває сферу людських настанов та цінностей. Саме в контексті цих цінностей об'єкт або адресат мовлення і отримує оцінку «погано». Так, у (2) мовець виражає своє ставлення до надмірної кількості речей, до набуття яких прагне пересічний обиватель. Чи сам по собі цей факт заслуговує на негативну оцінку? Очевидно, що за нею стоїть певна ієрархія цінностей, в якій духовне перевищує матеріальне. Носій іншої свідомості, що надає більшу вагу речам, міг би і не вжити для характеристики набутого багатства предикат *обрости*.

Щодо появи негативної оцінки, можна висловити припущення, що предикат *обрости* використовується передусім для номінації тих ситуацій, які з погляду стороннього суб'єкта свідомості в якомусь сенсі відхиляються від оптимуму. Це відхилення стосується передусім кількості тих об'єктів, які посідають периферійну область. Цю ознаку легко виявити, якщо порівняти об'єктивно подібні ситуації, які набувають в ціннісній картині світу різних кваліфікативних оцінок. Так, нічого поганого нема в тому, що для роз'яснення закону створюється інструкція, однак погано, коли таких інструкцій стає так багато, що вони витісняють собою сам закон, спотворюють його сутність. Якщо оповідь про події намагаються прикрасити деталями, вона може втратити риси правди, і це також сприймається негативно. Гаражі чи сараї, побудовані у дворі, загалом потрібні, і це з утилітарної точки зору добре, проте, з іншого боку, вони псують його зовнішній вигляд, а це може бути оцінене негативно, див. (1).

Що виступає джерелом негативної оцінки цього предиката? Як було показано у роботах, присвячених оцінній лексиці, джерелом оцінок служать передусім уявлення мовців про рефере-

нти (денотати) певних лексем, вжитих у прямому значенні (див. також нашу статтю [4]). Однак, поглянувши під цим кутом зору на масив ситуацій, які співвідносяться з прямим значенням предиката *обрости* (це вживання типу *обличчя обросло бородою; віця обросла вовною; камінь обріс мохом; пень обріс грибами; стовбур обріс пагінцями, галявина обросла кущами; корабель обріс молюсками*), ми зауважимо відсутність стійкої оцінки: лише деякі з них осмислюються і оцінюються в рамках антропоорієнтованої картини світу, виробленої мовнокультурним колективом. Так, обростання домашньої тварини вовною, обростання пташенят пір'ям трактується позитивно, що і позначається на деяких метафоричних вживаннях дієслова *обрости*, див. (5):

(5) – ...*Слыхать – донские казаки осмирнели, на хутора сажаются, добром обрастают...* А. Н. Толстой. Петр Первый.

Пор. також ідіоми *вбитися в пера, обрости пір'ям* у значенні 'забагатіти, завести господарство' з позитивною суб'єктивною оцінкою.

З іншого боку, заростання поля, де сіють культурні рослини, кущами та деревами, або ж заростання дороги з точки зору цінностей селянина сприймається як явище негативне, небажане. Так само обростання корабля молюсками не сприяє його руху вперед і тому набуває негативної оцінки. Отже, джерелом оцінки, яка входить у семантику метафоричного *обрости*, можуть служити лише ті референтні ситуації, що оцінюються негативно в картині світу. Завдання полягає в тому, щоб виявити ці ситуації. Це можна зробити, спираючись саме на переносні вживання предиката *обрости*.

Як ми зазначали вище, метафоричне *обрости* використовується тоді, коли сутність певного об'єкта деформується, його зовнішній вигляд спотворюється або виникають перешкоди для його нормального функціонування. Розгляньмо три типи базових ситуацій з подібними змістами.

1. Спотворення зовнішнього вигляду об'єкта.

Це спостерігається у випадках, коли на чомусь здоровому, красивому з'являється щось хворобливе, потворне. Йдеться передусім про захворювання людини шкірними недугами, такими як короста чи золотуха. Такі ситуації в російській мові можуть узуально позначатися дієсловом *обрасти*, див. (6):

(6) *Лерка золотухой обросла.* В. Астафьев. Печальный детектив.

Характерно, що візуальна сцена покриття тіла коростою, яка виступає стереотипним образом чогось нездорового, аномального, вербалізується через компаративні звороти *обрости, як коростою; покритися, як коростою*, пор. кон-

текст (1), а також (7), (8), взяті з сучасного російського мовлення:

(7) *Такими временными сараями, как коростой, сегодня покрыта вся автономная республика.* Газета «Труд», 15.09.2006.

(8) *Сегодня, когда зубные щетки обросли, как коростой, всевозможными эргономичными пупырышками и нащипками...* Інтернет-сайт: www.dental-kosmetik.ru.

2. Перешкодження нормальному функціонуванню, розвитку об'єкта.

Базова ситуація – корабель, який обріс молюсками і внаслідок цього рухається повільніше, бо зайва вага не дає йому розвивати достатню швидкість. Див. пряме вживання дієслова *обрости*, яке описує таку ситуацію:

(9) *За цей период корпус судна настільки обріс молюсками і мушлями, що пересуватися теплохід може тільки зі швидкістю 4 вузли за годину.* Газета «Україна молода», 31.03.2007.

На цей образ орієнтовані деякі метафоричні вживання дієслова *обрости*, пор. (10), в якому метафора підкріплена відсилкою до базового образу, а також наведений вище контекст (2).

(10) *Для меня мои ученики – мои друзья. ... С ними интереснее, чем со взрослыми моими друзьями. Те обросли бытом, отяжелели, как корабли с присосавшимися моллюсками.* Інтернет-сайт: www.ug.ru.

Найбільш виразно цей тип ситуації виявляється в образному сполученні *обрости боргами*, адже борги не дають людині вільно, нормально функціонувати, гальмують розвиток, ускладнюють життя. Ці самі змісти можна виявити і в сполученнях *обрости знайомими, обрости звичками*, адже надмірна кількість знайомих може бути обтяжливою для людини, а звички – заважати у її розвитку, діяльності. Проте оскільки образ корабля, оброслого молюсками, не може вважатися давнім і загальновідомим, слід припускати, що цей тип метафоричного значення орієнтовано передусім на більш усталений образ, який закріплено у пареміологічному фонді східних слов'ян. Маємо на увазі камінь, що обріс мохом, пор. рос. *На одном месте и камень мохом обрастает*, укр. *На однім місці і камінь обростає*, білор. *Ляжачы камень мохам абрастае*. В цих прислів'ях підкреслюються ідеї статичності, відсутності руху, застигlosti, що викликають, як правило, негативну емотивну оцінку.

У деяких вживаннях метафоричного *обрости* зміст перешкодження нормальному функціонуванню може бути акцентований через інший образ – обростання корою (чи шкірою), що інтерпретується як закритість, ізоляція від навколишнього світу і відповідно як відсутність нормальних реакцій на зовнішні впливи, пор. (11):

(11) *Люди, которые по мере житейских успехов обрастают все более толстой кожей, были всегда неприятны, и она старалась держаться от них подальше.* Ю. Трифонов. Другая жизнь.

Пор. також контекст (12), де використано образ крижаної кори, що покриває душу людини і робить її байдужою, холодною:

(12) *Гордый человек точно обрастает ледяной корой. Сквозь кору эту нет хода никакому доброму чувству.* Л. Толстой. Путь жизни.

3. Деформування сутності об'єкта.

Метафоричні вживання цього типу реалізуються в контекстах *обрости чутками, легендами, закон обріс інструкціями* і под. На нашу думку, джерелом цих образних номінацій міг послужити образ грудки снігу, яка збільшується, коли котиться згори. Якщо в її середині щось є, то його під шаром снігу не видно. Отже, базовий образ породжує два змісти: по-перше, об'єм збільшується дуже швидко, по-друге, побачити, розпізнати предмет, на який налипнув сніг, не можна. Подібно до цього, і чутки виникають та поширюються дуже швидко, а суть явища чи події опиняється спотвореною, zdeформованою, пор. (13):

(13) *Але тут дехто із полтавських обивателів нагадав про не останню обставину в цій історії, що обростала, як сніжна грудка, все новими подробицями.* В. Левін. Видно шляхи полтавські...

Суттєво, що в цьому випадку образний предикат зорієнтований на ситуацію, яка співвідноситься не з прямим, а з вторинним значенням дієслова *обрости* (інакше кажучи, в базовій ситуації відсутнє біологічне обростання, що відповідає внутрішній формі цього дієслова).

Отже, серед великого масиву ситуацій, які можуть бути вербалізовані дієсловом *обрости* в його прямому значенні, виділяються лише декілька, що стають основою для утворення метафоричного предиката: обростання вівці вовною, пташеня пір'ям дає позитивну оцінку, а обростання корабля молюсками, каменя мохом, тіла людини коростою – негативну. Очевидно, на появу негативної оцінки в метафорі *обрости* вплинула також усталена культурна оцінка обростання, яке інтерпретується в народній свідомості передусім як перехід від культурного стану до стану дикого, природного. Ця оцінка може бути виявлена в багатьох культурно-значимих ситуаціях, наприклад, заростання орної землі кущами, заростання доріг і под. Не менш важливими для традиційної культури є стійкі уявлення про обростання тіла (голови) волоссям як типову зовнішню ознаку представників позалюдського світу. Традиційно зарослими довгим волоссям змальовуються лісовики, домовики, водяники, русалки, рос. кікімори та інші представники нечи-

стої сили. Див., наприклад, типові портрети водяника: *«Водяной хозяин высокий, оброс мохом и травой, у него черный нос величиной с рыбацкий сапог, глаза большие, красные»*; *«Косматый, черный, волосья длинные, черны и по самую з...»*; *«Ходит нагой или косматый, бородатый, в тине, иногда с зеленой бородой»* [5, с. 96–97]; *«Другие представляют его [водяного] себе человекоподобным существом, но черным, обросшим волосами, с рогами на голове, с хвостом, оканчивающимся стрелкою...»* [6, с. 289]. Обростання (передусім обростання волоссям) служить культурним знаком позалюдського, дикого, а часто і демонічного. Цей факт позначився на формуванні загальної негативної оцінки обростання, яка перейшла згодом у прагматичний компонент семантики метафоричного предиката *обрости*.

Таким чином, метафоричне *обрости* може бути витлумачене як моносемантичне, якщо в його дефініцію включити достатньо абстрактні, позбавлені ознак конкретності компоненти. Разом з тим в деяких типах вживання цього предиката можна виявити орієнтацію на окремі, найбільш релевантні для носіїв свідомості ситуації донорської зони, в яких актуалізуються різні аспекти вихідної образної моделі. Метафоричний предикат *обрости* найчастіше (і про це яскраво свідчать його вживання в сучасному мовленні) передає негативну емотивну оцінку, яка формується мовно-культурним колективом в рамках антропоорієнтованої картини світу, куди обов'язково входять і аксіологічні параметри.

ЛІТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Academia, 2002. – 394 с.
2. Вольф Е. М. Метафора и оценка / Е. М. Вольф // Метафора в языке и тексте. – М. : Наука, 1988. – С. 52–62.
3. Апресян Ю. Д. Коннотация как часть прагматики слова (лексикографический аспект) // Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 2. / Ю. Д. Апресян. – М. : Школа «ЯРК», 1995. – С. 157–177.
4. Жуйкова М. В. Джерела та характер оцінки в дієслівній метафорі / М. В. Жуйкова // Слов'янський вісник : зб. наук. праць. Вип. 6. – Рівне, 2006. – С. 90–97.
5. Власова М. И. Русские суеверия : энциклопедический словарь / М. И. Власова. – СПб.: Азбука-классика, 2001. – 672 с.
6. Романов Е. Белорусский сборник. Вып. 8. Быт белоруса / Е. Романов. – Вильна, 1912. – 600 с.

СПИСОК СКОРОЧЕНЬ

МАС – Словарь русского языка : в 4 т. / [под ред. А. П. Евгеньевой]. – М. : Русский язык, 1985–1988.
СУМ – Словник української мови : в 11 т. – К. : Наукова думка, 1970–1980.

О ВЕЖЛИВОСТИ В СУДЕБНОЙ КУЛЬТУРЕ (на материале гражданского судопроизводства)

В статье рассматриваются представления о вежливости в судебной культуре – анализируется Гражданский процессуальный кодекс с точки зрения воплощения в нем постулатов вежливости и речевых норм, а также проявление вежливости в судебной речевой практике.

Ключевые слова: судебная культура, судебная коммуникация, вежливость, речевой этикет.

У статті розглядаються уявлення про ввічливість у судовій культурі – аналізується Цивільний процесуальний кодекс з точки зору втілення в ньому постулатів ввічливості й мовноетикетних норм, а також виявлення ввічливості у судовій мовленнєвій практиці.

Ключові слова: судова культура, судова комунікація, ввічливість, мовний етикет.

The article deals with the concept of politeness in court culture. Civil code is viewed from position of its embodying postulates of politeness, etiquette and speech norms as well as displaying politeness in court speech practice.

Key words: court culture, court communication, politeness, speech etiquette.

Постановка проблемы. Проблема, указанная в названии статьи, вызвала у нас интерес в результате многолетнего изучения судебной коммуникации – эффективности ее протекания, особенностей речевого поведения служителей Фемиды и мн. др.

По отношению к русскому языку эта проблема только начинает изучаться, что связано с повышением исследовательского внимания к культурологической проблематике, национально-культурной специфике речевого поведения и т. п. (см. [1, с. 573]). Безусловно, в каждой культуре формируется свое представление о вежливости.

Цель данной статьи – выявить особенности речевого этикета, ориентированные на вежливое общение в сфере судебного разбирательства.

Изложение основного материала. Для реализации этой цели важно иметь в виду следующие характеристики судебной коммуникации.

Судебная коммуникация – это социально ориентированное общение, конвенции которого подчинены задачам и условиям разрешения правового конфликта.

Защита прав человека судебным путем осуществляется «от имени» государства, поэтому судебному разбирательству соответствует торжественная тональность.

Общение основных участников гражданского судопроизводства (*судья – стороны: истец и ответчик*) опирается на социально-ролевую субординацию. Судья – высокостатусный член общества и лидер судебного разбирательства, наделенный государственно-властными полномочиями. Все остальные участники процесса занимают положение «ниже» судьи.

В контексте нашего исследования также значимы отношения между процессуальными

оппонентами. В суд обращаются люди, которые не смогли разрешить существующий между ними конфликт без государственного принуждения. Отношения между ними, как правило, «взаимно-отрицательные» (термин социальной конфликтологии).

Как известно, принцип вежливого поведения более всего разработан Дж. Личем [2]. Этот принцип требует соблюдения следующих постулатов: такта, великодушия, одобрения, скромности, согласия и симпатии.

Как и большинство нравственных правил поведения, постулаты вежливости практически не закреплены в Гражданском процессуальном кодексе (ГПК). Только постулат такта отчетливо присутствует в нем – в виде правовой нормы о закрытых судебных заседаниях. Правосудие по гражданским делам осуществляется устно и открыто. Но с целью «охраны личной территории» процессуальных участников – неразглашения сведений их личной жизни – в законе предусмотрены и ситуации закрытого судебного разбирательства (ст. 6 ГПК). С нарушением границ личной сферы связано и правило, регулирующее оглашение в судебных заседаниях переписки и телеграфных сообщений (та же статья ГПК). В соответствии с ним все личные материалы оглашаются только с согласия тех, кому они принадлежат.

С учетом постулата такта в новом ГПК, действующем на Украине с сентября 2005 г., уточнен порядок допроса свидетелей. В результате сделанного уточнения судья вправе снимать вопросы, заданные свидетелю, если они по своему содержанию являются оскорбительными (ст. 180).

Важно отметить, что некоторые из постулатов Дж. Лича неприменимы к ситуации судебного

го разбирательства. Так, принадлежностью судебного узуса являются нарушающие постулат согласия возражения против предъявленного иска (ст.ст. 128, 130), действий председательствующего судьи (ст. 160), ходатайства, заявленного оппонентом (ст. 27).

Принята в судебной практике и процессуальная критика, которая лежит в основе обжалования судебных постановлений. Приведем фрагмент из одной апелляционной жалобы, включающей в себя стереотипные для судебно-апелляционной критики формулы: *Решение [районного суда] считаю **незаконным** – в связи с неправильным применением судом специальных норм трудового права и **необоснованным** – в связи с неполным выяснением судом обстоятельств, имеющих значение для дела, а также недоказанностью ряда обстоятельств, которые суд посчитал установленными.*

Закреплено за судебной сферой и такое «невежливое» речевое действие, как отвод – устранение от участия в деле судьи, секретаря судебного заседания, прокурора, эксперта/специалиста, переводчика (ст.ст. 20, 22, 24). Это средство, обеспечивающее объективность судебного разбирательства, вступает в противоречие с постулатами одобрения и симпатии. Заявление об отводе, как правило, включает в себя выражение сомнения в беспристрастности кого-либо из перечисленных лиц – акт, который, безусловно «угрожает их позитивному лицу» (см. анализ теорий вежливости, использующих это понятие, в [3]).

Какие речевые особенности присущи судебной коммуникации?

Сразу отметим, что в судебной культуре представлены немногие ситуации речевого этикета, последовательно выделяемые в широко известных работах Н. И. Формановской (см., например, библиографию к ее статье в [4]).

Так, судебной процедурой предусмотрена ситуация знакомства процессуальных участников, которая протекает очень специфично – как установление личностей сторон и объявление состава суда. Используемые при этом формы названия и представления подчеркивают официальность судебной коммуникации.

Вот как происходит знакомство суда с процессуальными участниками (С. – судья, И. – истец, О. – ответчик):

С. По делу *Горькой* есть кто-то?

И. Есть.

С. Вы кто, *Горькая*?

И. (кивает)

С. *Паспорта* готовьте. (И. предоставляет паспорт) Так, это *истец* у нас. Работаете?

И. Нет.

С. Адрес [проживания] тот, что в паспорте?

И. Да.

С. *Присаживайтесь* пока. Ответчик есть?

(Из заседания в апелляционном суде, где в одном судебном заседании рассматривается сразу несколько дел).

Представление суда является частью другого процессуального ритуала – разъяснения сторонам права отвода: *Дело слушается судьей Санченко при секретаре Четверкиной. Вы имеете право отвода суду по мотивам родства, личной заинтересованности и другим веским мотивам. Отводы будут? Доверяете данному составу суда?*

Своеобразно оформляются в суде предусмотренные законом просьбы сторон о совершении каких-либо процессуальных действий – через предъявление ходатайств. Для выполнения процессуальной просьбы важны не механизмы вежливости, а соответствующая требованиям закона аргументация. Например:

(Истица заявила ходатайство о предоставлении ей копии документа, находящегося в деле, ссылаясь на норму закона о правах и обязанностях процессуальных участников)

С. (глядя в названную статью ГПК) *Здесь написано, что участники процесса могут знакомиться с материалами дела, делать из них выписки.*

И. *А дальше там, что я могу получать копии документов, которые находятся в деле.*

(С. объявляет перерыв для изготовления затребованной копии)

Каждая процессуальная просьба должна быть рассмотрена судом в отдельном постановлении. Отказ в ее удовлетворении не требует использования актуализаторов вежливости, но обязательно должен включать в себя мотивы, по которым суд пришел к своим выводам:

С. (реакция на заявленное истицей ходатайство о присутствии на судебном заседании ее бывшего начальника, действия которого она обжалует в суде) *Посоветовавшись на месте, суд определил: отказать в удовлетворении ходатайства, так как на заседании присутствует законный представитель. А в суде дела могут вестись лично или через представителя. Понятно, да?*

Самый частотный речевый знак, который используется в ходе судебного разбирательства, – обращение. Судебный этикет обладает собственной системой обращений, в которую входят обращения-индексы и регулятивы, узуальные и окказиональные, стилистически нейтральные и окрашенные вокативные формы.

В новом ГПК Украины впервые зафиксировано целесообразное, с точки зрения законода-

теля, обращение к суду: это специализированный регулятив *Ваша честь* (ст. 161). Наряду с ним при обращении к суду часто используется вокатив *Уважаемый суд!*, составленный из регулятива и индекса.

Форма обращения, уместная при обращении судей к участникам процесса, законодательно не закреплена и оставлена, таким образом, на усмотрение отправителей правосудия. В их речи применяются такие группы обращений: обращения-индексы (*Пожалуйста, истец, слушаем Вас*), в том числе фамильные вокативы (*Лукьяненко, какие Вы хотите дать пояснения?*); обращения, составленные из названий организаций, которые представляют участники процесса (обращение к представителю ООО «Сапфир»: *Ну все-таки Вы должны возмещать какой-то ущерб или нет, «Сапфир»?*); окрашенные негативно регулятивы (*Милая моя, пожалуйста, делайте, что Вам говорят*) и некоторые др. Очевидно, что не все обращения, используемые судьями, адекватны специфике процессуальной деятельности.

Другие речевые ситуации, которые можно наблюдать в ходе судебного процесса, носят факультативный характер и протекают обычно.

Анализ ГПК с точки зрения воплощения в нем правил вежливого поведения свидетельствует о том, что в судебной культуре предпочтительнее отдается негативной (дистанционной) вежливости (анализ этой теории содержится в работах [1; 3]). В рамках судебной культуры сформировался специфический тип этикета. Он призван способствовать всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела. Поэтому то, что невежливо в других социальных сферах, в ситуации разрешения правового конфликта может оказаться вполне приемлемым. Знаки судебного этикета указывают в первую очередь на асимметричный тип общения в суде, на более высокое положение судьи по сравнению с остальными участниками процесса, а также «предлагают» общаться в определенной тональности.

Анализ судебной речевой практики показывает, что в процессуальной деятельности наблюдается минимальное проявление вежливости, в том числе речевого этикета. Взаимодействие в суде обезличено. Для судебной коммуникации характерен так называемый «безучастный» контакт. Вследствие этого ей «противопоставлены» многие речевые акты, солидаризирующие коммуникантов, – комплимент и одобрение, сочувствие и соболезнование. Фатические намерения сторон, как правило, остаются нереализованными (ср.: реакция С. на эмоциональные от-

ступления в объяснениях И.) *Ш., в церкви выговоритесь!*).

Но и это неполная этикетная характеристика судебной коммуникации. Следует добавить, что суд – это социально-коммуникативная сфера, в которой широкое распространение имеют антиэтикетные формы поведения.

Намеренную невежливость (о преднамеренном нарушении вежливости см. [1, с. 597–598]) в своей речи демонстрируют судьи. Речевое поведение судей отличается эксплицированием их места в социальной иерархии, направленным на утверждение в отношениях с участниками процесса доминирующей позиции (более подробно об этом см. в [5]). Служители Фемиды ревностно охраняют свою территорию:

(В апелляционном суде С. предлагает И. задать вопрос О., связанный с решением, которое было принято по их спору в районном суде)

И. *Почему у меня отобрали землю?*

С. (раздраженно) *Не отобрали, а решение [исполкома] отменили! Говорите правильно.*

Много грубости в общении между конфликтующими сторонами. Речевая агрессия, обмен колкостями типичны для конфликтного взаимодействия: О. (прерывает пояснения И. – своей бывшей супруги) *Она врёт все!*; (реакция И. на заявления О. – представителя горсовета – о невозможности прийти на следующее судебное заседание в связи с текущей работой) *Вас два юриста. Вы должны круглосуточно работать, а не в компьютер играть*; (реплика И. из дела по иску об устранении препятствий О. в пользовании арендованным у него автомобилем) *Я подозреваю, что он [арендатор] его [автомобиль] сам разбил, когда его брал на два часа.*

Только в речи процессуальных участников, обращенной к отправителям правосудия, наблюдается эксплицитная, нередко гипертрофированная, многословная вежливость. Но и она в условиях цейтнота, который постоянно испытывают перегруженные делами судьи, оборачивается невежливостью: (реплика из земельного спора при подведении его итогов) *Ваша честь, прошу прощения. Я не знаю, как объяснить. Мне эти 164 метра как воздух нужны*; (И. вступает в диалог С. с О. – представителем ЖЭКа) *Уважаемый суд, Вы извините, пожалуйста. У меня последний этаж. Когда мы спускаем кран, сначала идет горячая, потом холодная вода.*

Итак, судебная культура ориентирована на негативную (дистанционную) вежливость. Однако в судебной речевой практике можно наблюдать разное проявление вежливости, а также речевую грубость.

Этикетные правила очень сдержанно представлены в нормах права. Это связано как с их

частичной несовместимостью, так и общим вниманием законодателя к разработке речеповеденческих норм.

Изучение проблемы вежливости в судебной культуре важно не только для многих отраслей языкознания, но и для нужд речевой и законодательной практики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Земская Е. А. Категория вежливости: общие вопросы и национально-культурная специфика русского языка // Земская Е. А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь / Е. А. Земская. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 573–600.

2. Leech G. N. Principles of Pragmatics / G. N. Leech. – L. – N. Y., 1983.
3. Кастлер Л. Негативная и позитивная вежливость: различные стратегии речевого взаимодействия / Л. Кастлер // Агрессия в языке и речи / [сост. и отв. ред. И. А. Шаронов]. – М.: Российский госуд. гуманитар. университет, 2004. – С. 9–18.
4. Формановская Н. И. Речевой этикет // Лингвистический энциклопедический словарь / [гл. ред. В. Н. Ярцева]. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 413–414.
5. Красовская О. В. Следует ли бояться судьбу? (Заметки о речевом поведении служителей Фемиды) / О. В. Красовская // Русская речь. – 2006. – № 1. – С. 62–68.

УДК 81'367.633:81.371

Москаленко Л. С.

ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫЕ СОЧЕТАНИЯ С ПРОИЗВОДНЫМИ ПРЕДЛОГАМИ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ СМЫСЛОВ

Стаття присвячена одній з п'яти ономазіологічних одиниць, які виражають мовні смисли у сучасній російській мові.

Ключові слова: ономазіологічна одиниця, мовний смисл, прийменниково-відмінкове сполучення, похідні прийменники, діахронна трансформація.

Статья посвящена одной из пяти ономазиологических единиц, выражающих языковые смыслы в современном русском языке.

Ключевые слова: языковой смысл, ономазиологическая единица, предложно-падежное сочетание, производные предлоги, диахронная трансформация.

The article is devoted to of the five onomasiology units expressing language categories of modern Russian.

Key words: onomasiology unit, language category, prepositional-case combination, derived preposition, diachronic transformation.

Постановка проблемы. В последние десятилетия объектом пристального внимания лингвистов стала незначительная лексика, в первую очередь, предлоги.

Анализ литературы. Предлоги рассматривались преимущественно в традиционном, семасиологическом аспекте [1–4]. В то же время ученые понимали, что предлоги обладают особой семантической и функциональной спецификой, и делали попытки выявить и охарактеризовать эти свойства. В ономазиологическом аспекте предлоги в составе предложно-падежных сочетаний, выражающих языковые смыслы, были представлены в работах Е. Н. Сидоренко [5]. При этом автор опирается на теорию языковых смыслов, предложенную Н. Ю. Шведовой [6, 7].

Под языковым смыслом вслед за Е. Н. Сидоренко понимаем самое общее, универсальное понятие, выраженное системой разноуровневых ономазиологических единиц, объединенных в семантическое целое, и категоризируемое одним или несколькими вопросительными местоимениями (в случае их отсутствия – соответствующими

функциональными заменителями). В современном русском языке выделяется 13 языковых смыслов: 1) предметность; 2) признак предмета; 3) количество и число; 4) процесс; 5) качественная характеристика процесса, способ и образ действия; 6) мера и степень; 7) пространство (место и направление); 8) время; 9) причина и следствие; 10) цель; 11) условие; 12) уступка; 13) состояние как безлично-предикативный признак [5].

Е. Н. Сидоренко впервые предложила квалифицировать предложно-падежные формы как единицы именованности. Понимание особой роли предлогов уже было отражено в работах лингвистов Е. Куриловича [8], И. Р. Выхованца [9], В. М. Русановского [10], рассматривающих предложно-падежные сочетания имени в качестве «слова», в котором предлог играет роль морфемы, а также Г. А. Золотовой, сформулировавшей и теоретически заявившей о понятии синтаксемы, компоненты которой выражены предлогом и именем [11] и др. Предложно-падежная форма – это семантически единое со-

четание имени и предлога, предназначенное для выражения определенных языковых смыслов. Она является одной из наиболее используемых единиц, поскольку позволяет передать любые языковые смыслы более дифференцированно, разноаспектно, чем другие средства именования.

Можно предположить, что в современном русском языке непроизводные предлоги достаточно полно обеспечивают нужды коммуникантов, но появление большого количества производных предлогов, образованных в XVIII–XX вв., заставляет исследователей задуматься над вопросами: почему это происходит, чем вызван поток новых предлогов?

Цель настоящей работы – охарактеризовать наполнение языковых смыслов предложно-падежными сочетаниями с производными предлогами.

Изложение основного материала. Пополнение предлогов за счет диахронной трансформации, как известно, называется препозиционализацией. Слова, перешедшие в предлоги, соответственно называются препозиционализиантами. Процесс увеличения состава предлогов является достаточно продуктивным. В предлоги переходят наречия, имена существительные, деепричастия. Предложно-падежные формы в современном русском языке выражают языковые смыслы «предметность», «признак предмета», «количество», «качественная характеристика процесса, образ и способ действия», «мера и степень», «пространство (место и направление)», «время», «причина и следствие», «цель», «условие» и «уступка». Языковые смыслы «состояние» и «действие, состояние, отношение как процесс», по нашим предварительным наблюдениям, с помощью предложно-падежных сочетаний не передаются.

Предложно-падежные формы с производными предлогами в первую очередь насыщают языковой смысл «пространство». Это связано с его многогранностью, так как он включает и место (статическая локализация), и направление (динамическая локализация). Пространство широко представлено первообразными предлогами, но, несмотря на это, пополняется за счет производных, перешедших из наречий (*около, возле, позади, вдоль, впереди* и под.) и имен существительных (*в сторону, в направлении к, в ряду, в районе, в пределах* и под.).

Активно пополняются также языковые смыслы «время» (*следить в продолжение дня, общаться во время работы, появиться накануне событий, веселиться в течение праздников, прийти в ходе репетиции*), «предметность» (*падать вместо листьев, ошибиться в отношении собеседника*), «качественная характери-

стика процесса, образ и способ действия» (*вскинуться без помощи рук, оказаться в виде исключения, экспериментировать в направлении дифференциации обучения, сказать в рамках правил, поступить в согласии с собственной волей*).

Меньшим количеством предложно-падежных форм пополняются языковые смыслы «цель», «причина и следствие». Интересен тот факт, что языковой смысл «цель» насыщается предложно-падежными формами с предлогами, перешедшими преимущественно из имен существительных: *в целях, с целью, на благо* и т. д. Это, скорее всего, обусловлено лексическим значением именной основы, которая подчеркивает разновидности целевых конструкций.

Несмотря на наличие в современном русском языке большого количества специально предназначенных для выражения языкового смысла «признак предмета» имен прилагательных и причастий, он представлен и предложно-падежными формами (как с первообразными, так и с производными предлогами): *платье в горошек, пирожки с картошкой, страсть к путешествиям, юбка до колена, сосед по купе, осадки в виде дождя и снега* и под.

Наименьшее количество предложно-падежных сочетаний с препозиционализиантами обслуживает языковые смыслы «мера и степень», «условие» и «уступка». Уступка представлена пятью формами (*не зависимо от + Р. п., несмотря на + В. п., вопреки + Д. п., невзирая на + В. п., наперекор + Д. п.*), практически тождественными по значению.

Вторичные предлоги в большей мере семантически однозначны и конкретны, это находит свое отражение и в ограничении их употребления для узкого круга отношений, и в сочетании лишь с одним падежом. Но в современном русском языке некоторые производные предлоги уже передают разные отношения и, следовательно, предложно-падежная форма с одним и тем же препозиционализиантом может репрезентовать несколько языковых смыслов, что свидетельствует о росте абстрактности, универсальности вторичных предлогов, постепенном их приближении к широким по своему значению первообразным предлогам.

Например, предлог *в* может обслуживать смыслы «предметность» (*убедиться в пользе*), «признак предмета» (*платье в клеточку*), «качественную характеристику процесса, образ и способ действия» (*написать в стихах*), «пространство» (*находиться в городе, приехать в город*), «время» (*встретиться в субботу*), «цель» (*преподнести в благодарность*), «условие» (*лежать в жару*).

Некоторые из производных предлогов также могут репрезентовать несколько языковых смыслов. Например, предлог *около* может обслуживать языковые смыслы «пространство» (*стоять около дома*), «время» (*начать около пяти*), «количество» (*купить около килограмма*).

Можно предположить, что предложно-падежные сочетания с производными предлогами никогда не смогут достичь того уровня универсальности, какой имеют сочетания с первообразными предлогами из-за своих именных, наречных и глагольных основ, которые еще не потеряли первоначального лексического значения. Только при его утрате они приблизятся к первообразным предлогам.

В современном русском языке непродуцированные предлоги достаточно полно обеспечивают нужды коммуникантов, но, несмотря на это, появляется большое количество предложных трансформантов, которые употребляются наряду с первообразными предлогами. На наш взгляд, это обусловлено необходимостью не только устранять повтор, тавтологию, но и передавать более тонкие и сложные оттенки мысли, уточнять, конкретизировать значения предложно-падежных сочетаний.

При выборе предлога в синонимических конструкциях учитываются различия в смысловых оттенках. Например, пространственные отношения нахождения одного предмета на небольшом расстоянии от другого могут выражаться с помощью предлогов *у, возле, около, рядом с* (*Стул стоит у стены. Стул стоит возле стены. Стул стоит около стены. Стул стоит рядом со стеной.*), но наибольшую степень близости передает сочетание с предлогом *у*, среднюю степень – с предлогами *около, возле*, наименьшую – с предлогом *рядом с*.

Сравним употребление первообразных и образованных путем диахронной трансформации предлогов в предложно-падежных сочетаниях, выражающих языковой смысл «причина»: *Из-за приезда гостей я остался дома. По случаю приезда гостей я остался дома. В связи с приездом гостей я остался дома. Благодаря приезду гостей я остался дома.* По случаю «употребляется при указании на причину какого-либо действия, на знаменательное событие, в связи с которым совершается что-либо» [12, с. 111], *в связи* – «при указании на причинные отношения, взаимную зависимость, общность между чем-либо» [12, с. 43], *благодаря* употребляется в значении благоприятствующей причины.

Кроме того, появление большого количества препозиционализантов дает возможность участникам коммуникативного акта выбирать пред-

ложно-падежные формы с необходимой стилистической окраской. Например, языковой смысл «цель» может быть представлен предложно-падежными формами *во имя справедливости – в честь юбилея – в целях пропаганды*. Эти конструкции будут отличаться не только семантически, но и стилистически: *во имя* – высокий стиль, *в целях* – книжный, *в честь* – нейтральный.

Таким образом, предложно-падежные формы с производными предлогами в современном русском языке обслуживают практически все языковые смыслы. Один и тот же препозиционализант в составе конструкции может репрезентовать несколько языковых смыслов.

Производные предлоги в предложно-падежных сочетаниях конкурируют не только с первообразными предлогами, но и между собой. Будучи синонимичными, они отличаются либо оттенками семантики или стилистической окраской, либо частностью употребления.

Предложные трансформанты устраняют повтор в речи, дополняют, уточняют, конкретизируют значения предложно-падежных форм. Их появление позволяет участникам коммуникативного акта за меньший промежуток времени выразить более тонкие и сложные оттенки мысли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданов С. И. Морфология неопределенных слов в современном русском языке : учебное пособие / С. И. Богданов. – СПб., 1997. – 140 с.
2. Исследования по семантике предлогов : сб. статей. – М. : Русские словари, 2000. – 376 с.
3. Сидоренко Е. Н. Производные предлоги и послелоги в русском и крымско-татарских языках / Е. Н. Сидоренко, И. Я. Сидоренко, В. Н. Алиева. – Симферополь : Крымучпедгиз, 2001. – 108 с.
4. Словарь служебных слов русского языка. – Владивосток, 2001. – 363 с.
5. Сидоренко Е. Н. Языковые смыслы и ономазиологические средства их выражения / Е. Н. Сидоренко. – Симферополь : КРП «Издательство «Крымучпедгиз», 2008. – 128 с.
6. Шведова Н. Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства / Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 1998. – 176 с.
7. Шведова Н. Ю. Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий / Н. Ю. Шведова, А. С. Белоусова. – М. : Ин-т рус. яз. РАН, 1995. – 122 с.
8. Курилович Е. Очерки по лингвистике / Е. Курилович. – М. : Изд-во иностр. литературы, 1962. – 252 с.
9. Вихованець І. Р. Прийменникова система української мови / І. Р. Вихованець. – К. : Наукова думка, 1980. – 288 с.
10. Русанівський В. М. Поняття семантичного і стилістичного інваріанта / В. М. Русанівський // Мовознавство. – 1981. – № 3. – С. 9–20.

11. Золотова Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1988. – 440 с.

12. Рогожникова Р. П. Словарь эквивалентов слова. Наречные, служебные, модальные единства / Р. П. Рогожникова. – М. : Русский язык, 1991. – 944 с.

УДК 81'42.131.1+821.161.1'37

Сейтаблаева Э. А.

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ НАРРАТИВНОЙ СУБСТАНЦИИ «РЕВОЛЮЦИЯ» В ИДЕОСТИЛЕ А. АВЕРЧЕНКО

У статті надане представлення світорозуміння людини та його культури у вигляді метафоричних моделей. Виявлено метафоричні моделі нарративної субстанції «революція» у памфлеті А. Аверченко «Дюжина ножів у спину революції».

Ключові слова: метафоризація, образна аналогія, нарративна субстанція «революція», метафорична модель.

В статье дано представление миропонимания человека и его культуры в виде метафорических моделей. Выявлены метафорические модели нарративной субстанции «революция» в памфлете А. Аверченко «Дюжина ножей в спину революции».

Ключевые слова: метафоризация, образная аналогия, нарративная субстанция «революция», метафорическая модель.

The article gave a representation of human understanding of the world and its culture in the form of metaphoric models. Identified metaphorical narrative model-substance «revolution» in a pamphlet A. Averchenko «A dozen knives in the sleep-well revolution».

Key words: metaphORIZATION, figurative analogy, a narrative sub-station «revolution», a metaphorical model.

Постановка проблеми. Анализ теории концептуальной метафоры и описание конкретных метафорических моделей в рамках различных сфер коммуникации (бытовой, политической, экономической, религиозной, художественной и др.) – это перспективное научное направление, которое стало активно развиваться в рамках когнитивной лингвистики в конце XX века.

В настоящее время встала проблема последовательной инвентаризации и детального описания русских метафорических моделей с учетом специфики их функционирования в различных видах современного дискурса. Лингвисты-когнитологи подчеркивают, что изменчивость окружающего мира влечет за собой динамичность процессов мышления и восприятия. Аналогичные динамизм и открытость системы свойственны и метафорическим моделям, которые определяют повышение или понижение частотности метафорических словоупотреблений.

Текст как эмпирический феномен, как объект познания неисчерпаем. Специалисты в области лингвистики и герменевтики участвуют в поиске новых возможностей проникновения в сущность текста. Одним из распространенных приемов такого проникновения в сущность текста является исследование в них метафоры.

Анализ литературы. Теорией концептуальной метафоры и последовательным описани-

ем метафорических моделей занимались такие лингвисты, как Дж. Лаккоф, М. Джонсон [1], Н. Д. Арутюнова [2], А. Н. Васильева [3], З. И. Резанова, А. Н. Баранов [4], Ю. Н. Караулов, А. П. Чудинов и др.

Современная когнитивная теория предполагает, что метафора возникает на уровне глубоких структур человеческого разума [2, с. 5]. Зарубежные лингвисты-когнитологи Дж. Лакофф и М. Джонсон отмечают, что «...обыденная понятийная система по сути своей метафорична. Метафоры заложены уже в самой понятийной системе мышления человека, это особого рода схемы, по которым человек думает и действует. Однако понятийная система нами не осознается. Выполняя многие повседневные дела, мы думаем машинально и действуем по определенным схемам. Большую роль в определении сущности этих схем может сыграть наблюдение за особенностями функционирования языка» [1].

Наблюдая за функционированием языка в художественном тексте, исследователь А. Н. Васильева отмечает, что художественное мышление принципиально построено на образной аналогии. Она подчеркивает: «В самом создании художественного произведения художник идет по существу метафорическим путем, путем переноса: на основе множества наблюдаемых жизненных конкретностей он строит, в значительной мере в подсознании, общую понятийную

модель того или иного сложного жизненного комплекса, но воплощает ее в новую конкретность – конкретность образного вымысла» [3, с. 15].

Писатель, создавая произведение, пользуется языковыми средствами, которые через образы доносят до сознания читателя мысли автора. «Вполне возможно, – отмечает А. И. Федоров, – что генетически образ в мышлении человека может формироваться и без слов, на основе суммы ощущений от предметов и связей их отдельных сторон, которые чаще заметны человеку с художественным мышлением». Однако любой замысел объективируется в виде словесных набросков. Ассоциативные связи возникают в сознании личности, находят опору в семантике слов через метафору [5, с. 9].

Представление метафоры как нарративной субстанции вызывает интерес со стороны нарративного анализа текста.

Цель данной статьи – описать методику выявления метафорических моделей и механизм метафоризации, представить некоторые метафорические модели нарративной субстанции «революция» в предисловии к памфлету А. Аверченко «Дюжина ножей в спину революции».

Изложение основного материала. В последнее время исследователей-языковедов все больше и больше интересует представление миропонимания человека и его культуры в виде метафорических моделей. Метафора при помощи скрытых механизмов трансформации знаний позволяет оптимизировать воздействие на получателя информации.

Человек в своем развитии шел от мифологического восприятия к историческому. Это движение от материального к абстрактному отразилось в метафоре как способе представления нематериального мира посредством физического. Это свойство метафоры отражает общий принцип познания мира [1].

Процессы метафоризации – это специфические операции над знаниями, часто приводящие к изменению онтологического статуса знания, когда неизвестное становится известным, а известное – совершенно новым и т. п. Под метафорической моделью подразумевается классификация (разбиение) областей источника метафоризации. Имя метафорической модели обычно дает слово, являющееся родовым по отношению к словам, представляющим элементы ее понятийной системы [4, с. 9].

Современный исследователь метафорической модели Т. А. Кукса отмечает, что в когнитивном плане процесс метафоризации близок к модели рассуждения по аналогии, в основе которой лежит представление о передаче инфор-

мации или знаний между двумя концептуальными областями или полями: источником и целью.

Метафорическая модель, как отмечает Т. А. Кукса, обуславливает перенос двух и более слов, тематически соотносительных, с одного класса предметов на другой на основе сходства предметов или их оценки. Регулярность метафорического переноса способствует установлению содержания значений, их структуры [6].

Понятие «метафорическая модель» является общим для традиционного и когнитивного аспектов исследования семантики слов. Метафорическая модель представляет собой регулярно реализуемую схему вербализации понятий; осознается носителями языка как основа семантически двухплановых единиц, типового взаимодействия двух значений – прямого (первичного) и переносного (вторичного).

Признак, который положен в основу номинации, указывает на то, что стало для языкового сознания существенным, на тот аспект явления, благодаря которому возможно его целостное понимание. Внутренние формы слов отражают систему стереотипных представлений, сложившихся в обществе.

Особого внимания требуют критерии определения семантики и объема метафорической модели. Т. А. Кукса подчеркивает, что при выявлении метафорической модели целесообразно установить структуру значения лексем, выделяя интегральные семы как прямых, так и переносных значений у идеографически (тематически) соотносительных слов. Обязательный минимум при определении модели – наличие хотя бы двух лексем, имеющих сходные и прямые, и переносные значения. Также важным критерием при рассмотрении метафорической модели является определение типа ассоциаций – на основе каких признаков было установлено сходство двух предметов [6, с. 5–6].

По определению Ю. С. Степанова, метафорическое моделирование – это средство постижения, представления и оценки действительности, отражающее многовековой опыт народа и его национальное самосознание [7].

Попытаемся произвести метафорическое моделирование и представить метафорические модели нарративной субстанции «революция» в предисловии к книге «Дюжина ножей в спину революции» А. Аверченко.

За время пребывания в Константинополе А. Т. Аверченко смог издать несколько книг. Из них отметим его сборник рассказов под названием «Дюжина ножей в спину революции». Сборник вышел в одном из парижских издательств в 1921 году. В него входит предисловие,

написанное самим Аверченко, и двенадцать рассказов. Д. А. Левицкий в своей работе «Жизнь и творческий путь А. А. Аверченко» пишет: «Литературный критик И. Василевский ... осуждает попытку Аверченко дать в предисловии к книге свое объяснение того, какую революция должна была быть и во что она превратилась на самом деле. Автор рецензии находит, что у Аверченко “под напором тенденции сразу же облетели обычные, живые и яркие краски с его палитры”» [8, с. 295].

Известно, что каждый новый поворот в историческом развитии общества приводит к определенной языковой «перестройке», создает свой особый набор лексического инструментария. Поскольку в эпоху А. Аверченко тема революции стала одной из самых актуальных, понятие «революция», отражая существующее общественное сознание, является одним из центральных. Представим его метафорическую репрезентацию как нарративную субстанцию, которая, являясь вспомогательной конструкцией в художественном тексте, передает максимально ясное отражение прошлого.

Для определения индивидуальных особенностей раскрытия понятия обратимся к истолкованию слова «революция» в лексикографических источниках, отражающих коллективное сознание.

По Д. Н. Ушакову, **«революция**, революции, ж. (латин. *revolutio* – переворот) – переворот в общественно-политических отношениях, совершаемый насильственным путем и приводящий к переходу государственной власти от господствующего класса к другому, общественно-передовому классу. *Великая пролетарская революция. Революция, смена одного общественного строя другим всегда была борьбой, борьбой мучительной и жестокой, борьбой на жизнь и на смерть (Сталин). Революция всегда, всегда молода и готова (Маяковский) // перен.* Коренной переворот в какой-нибудь области знания, искусства. *Революция в театре. Это открытие произвело революцию в технике. Культурная революция»* [9, с. 151].

В Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля читаем: **«революция**, ж. франц. – переворот, внезапная перемена состояния, порядка, отношений; смута или тревога, беспокойство. *Революция в погоде, в пищеварении, в общественном мнении, переворот.* | Смуты государственные, восстание, возмущенье, мятеж, крамолы и насильственный переворот гражданского быта. *Генерал от революции, бран, прозвище людей, бессмысленно стремящихся ко всемирным крамолам и переворотам.* Революционный, к сему относящийся. Революционер,

-нерка, смутчик, возмутитель, крамольник, мятежник» [10, с. 88].

Сравнение словарных дефиниций показывает, что в отличие от Д. Н. Ушакова В. И. Даль определил революцию как внезапную перемену состояния, порядка. На наш взгляд, в лексикографическом определении В. Даля коллективное сознание отразилось более полно.

Рассмотрим данную нарративную субстанцию в языковом сознании А. Аверченко. Для этого обратимся к началу предисловия «Дюжины ножей в спину революции»: «...Революция – сверкающая прекрасная молния, революция – божественно красивое лицо, озаренное гневом Рока, революция – ослепительная яркая ракета, взлетевшая радугой среди сырого мрака!..» [11, с. 283].

Выделим метафорические модели в данном контексте.

1. *Первая метафорическая модель:* «революция – сверкающая прекрасная молния» представляет нам революцию как молнию (сверкающую и прекрасную). Молния – резкое изменение, происходящее в природе, при котором происходит вспышка света. Так как важным критерием при рассмотрении метафорической модели является определение типа ассоциаций (на основе каких признаков было установлено сходство двух предметов), выделим общий признак данной метафорической модели – резкое изменение, «вспышка». Здесь революция как социальное явление ассоциируется с молнией – природным явлением.

2. *Вторая метафорическая модель:* «революция – божественно красивое лицо, озаренное гневом Рока». Данная модель строится на основе переноса социального явления на физические черты человека; показывает лицо революции, божественно красивое, озаренное.

3. *Третья метафорическая модель:* «революция – ослепительная яркая ракета». Эта модель образовалась путем переноса признаков социального явления на признаки артефакта «ракета».

4. *Четвертая метафорическая модель:* «революция – радуга среди сырого мрака». Происходит перенос признака социального явления на признаки природного явления. Ассоциацию революции с радугой А. Аверченко провел не случайно. Толковый словарь В. И. Даля интерпретирует радугу как небесное явление; семицветную дугу под облаками, от солнца позади дождя» [10, с. 8]. Нарративная субстанция «революция» сравнивается в данной метафорической модели с семицветной дугой, возникшей под облаками после дождя. Революция выступает среди сырого мрака – дождя – солнечным све-

том, семицветием, предвещая начало нового состояния «позади дождя». Противопоставляя мрак и свет, дождь и солнце, А. Аверченко символически определяет жизнь общества до и после революции.

Следует отметить, что в данных метафорических моделях прослеживаются ассоциативные связи на основе семантических компонентов «сверкающий», «озаренный», «ослепительный», что представляет нам революцию как некий свет, вспышку. А. Аверченко логически выстраивает модели, начиная (революция – мол-

ния) и заканчивая (революция – радуга) перенос признаков социального явления на признаки природного, связывая при этом с физическими человеческими чертами как основным звеном в рассматриваемой метафорической цепи.

На основе анализа данных толкований можно отметить, что в языковом сознании автора нарративная субстанция «революция» репрезентирована через метафорические модели, которые логически связаны друг с другом. Модели показывают связь природы и человека, социума и человека, природы и социума (рис. 1).

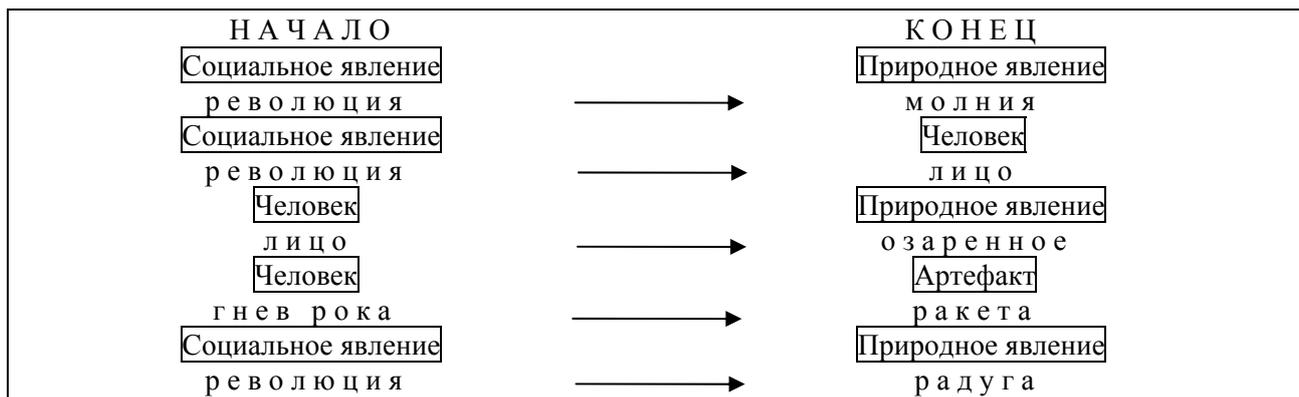

Рис. 1. Метафорические модели нарративной субстанции «революция».

Выводы. Таким образом, в заявленной концепции метафорические модели осмысляются не как поверхностные риторические механизмы украшения речи, а как фундаментальный лексический механизм, который организует наши мысли, оформляет суждения и структуру языка.

Так как в языковом сознании А. Аверченко коллективное сознание отразилось более глубоко и полно (ср. революция – внезапная перемена состояния (Даль) и, например, революция – молния как внезапная перемена в природном состоянии (Аверченко)), нами на основе этого представлено моделирование нарративной субстанции «революция». Логически выстроенные метафорические модели, выявленные нами последовательно, в совокупности имеют универсальный характер. Они представляют некую нарративную субстанцию художественного текста, которая репрезентирует революцию как проявление природного состояния (молния – начало) и благодатное озарение, свет (радуга – конец), физические черты человека (ребенок), ассоциируя ее с началом новой жизни. Определение конкретного содержания метафорических моделей раскрывает процесс метафорического кодирования и декодирования в языковом сознании личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лаккоф Дж. Метафоры, которыми мы живем [Электронный ресурс] / Дж. Лаккоф, М. Джонсон. –

Режим доступа : <http://www.irs.ru/alshev/lakoff.html>
 2. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс. Вступительная статья / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 5–32.
 3. Васильева А. Н. Художественная речь / А. Н. Васильева. – М., 1983. – 255 с.
 4. Баранов А. Н. Очерк когнитивной теории метафоры / А. Н. Баранов. – М., 1996. – 260 с.
 5. Федоров А. И. Семантическая основа образных средств языка / А. И. Федоров. – Новосибирск, 1969. – 91 с.
 6. Кукса Т. А. Метафорические модели как компонент идеографического поля (на материале слов, определяющих физическое состояние человека) / Татьяна Александровна Кукса : автореф. дис. на соиск. ученой степени канд. филол. наук : специальность 10.02.01 «Русский язык». – Ростов-на-Дону, 2007. – 24 с.
 7. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – [2-е изд., испр. и доп.]. – М. : Акад. Проект, 2001. – 990 с.
 8. Левицкий Д. А. Жизнь и творческий путь А. А. Аверченко / Д. А. Левицкий. – М., 1999. – 552 с.
 9. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х томах / В. И. Даль. – М. : Русский язык, 1999. – Т. 4. – 688 с.
 10. Толковый словарь русского языка : в 4-х т. / [под ред. проф. Д. Н. Ушакова]. – М. : Государственное изд-во иностранных и национальных словарей. – Л.–Ояловеть, 1938. – Т. 3. – 1040 с.
 11. Аверченко А. Т. Рассказы / Сост., вступ. статья П. Горелова; Теффи Н. А. Рассказы / Сост., вступ. статья Е. Трубиловой. – М. : Молодая гвардия, 1990. – 479 с.

СТРУКТУРА КАТЕГОРІЇ «МУЗИЧНІ ІНСТРУМЕНТИ» В КОНЦЕПТОСФЕРІ КРИМСЬКОТАТАРСЬКИХ СТУДЕНТІВ

У статті подано аналіз результатів психолінгвістичного експерименту, скерованого на виявлення структури категорії «музичні інструменти» в концептосфері кримськотатарських студентів немuzичного профілю. Експеримент було проведено у Кримському інженерно-педагогічному університеті.

Ключові слова: психолінгвістичний експеримент, категорія, прототип, ядро, периферія.

Стаття представляє собою аналіз результатів психолінгвістичного експерименту, направлено на виявлення структури категорії «музыкальные инструменты» в концептосфере крымскотатарских студентов немusicalных специальностей. Эксперимент был проведен в Крымском инженерно-педагогическом университете.

Ключевые слова: психолінгвістичний експеримент, категорія, прототип, ядро, периферія.

The article presents analysis of results of a psycholinguistic experiment that was aimed at describing the structure of the category «musical instruments» in the conceptsphere of Crimean Tatar students whose major is not music. The experiment was conducted at Crimean engineer-pedagogical university.

Key words: psycholinguistic experiment, category, prototype, nucleus, periphery.

Постановка проблеми. Сучасну лінгвістичну науку цікавить питання про те, які процеси відбуваються в свідомості людини та як вони відображаються у мові. Цими проблемами займаються когнітивна та психолінгвістика. Одним із процесів, які відбуваються у свідомості людини, є категоризація. Вона передбачає своєрідне структурування об'єктів навколишнього середовища та розподіл їх за певними категоріями. Категоризація допомагає людині осмислювати дійсність та класифікувати нову інформацію, яка надходить із зовнішнього середовища, завдяки фоновим знанням та логіці. Центральну позицію в категорії займає прототип. Він є найтипівшим її об'єктом і має найбільшу кількість характеристик, що притаманні більшості членам категорії. Саме прототип є еталонним зразком певної категорії, з його допомогою людина вирішує, належить об'єкт до даної категорії чи ні.

Іноді важко віднести певний об'єкт до якоїсь однієї категорії. Усвідомивши цей факт, американський психолог Елеонора Рош вирішила переглянути погляди Аристотеля щодо категоризації¹, та, здійснивши аналіз категорій «птахи», «меблі», «фрукти» і деяких інших, повністю реформувала погляд на категорію та її наповнення.

Аналіз літератури. Під впливом праць Е. Рош когнітологи переглянули сутність та вміст категорій: було відкинуто теорію про рівноправний статус об'єктів категорії. «Рош намагалася

показати, що така традиція не відповідає психологічній реальності і представила категорію як структуру, в якій задані відношення між центром та периферією» [1]. Варто зазначити, що вона була однією з перших дослідниць, які в структурі категорії почали виділяти найтипівших та найменш типових її представників.

Українська дослідниця О. Левченко вважає, що в межах лінгвокультурології прототип варто розглядати як «зразок, оцінюваний як один із низки типових» [2, с. 59]. Е. Рош та її послідовники підкреслювали важливість кроскультурного дослідження категорій: так, скажімо, банан може бути прототиповим фруктом для представників однієї культури і, відповідно, знаходитися в ядрі категорії, а яблуко – навпаки, на периферії; для представника іншої культури яблуко може знаходитися в ядрі категорії, а банан – на периферії [3]. Бачимо, що деякі категорії є культурно маркованими.

Радянський психолог Л. Виготський також звертав увагу на процеси узагальнення в свідомості дітей, а американський психолог Дж. Брунер та представники його школи, ще задовго до піонерських робіт Е. Рош, підкреслювали, що «знакове опосередкування формується не в лабораторії, а в контексті соціального життя, де творення смислів визначається культурою, а не природою» [3]. Його школа займалася також дослідженням залежності пізнавальної діяльності дитини від того, наскільки успішно дитина використовує слова для узагальнення одиничних об'єктів.

Багато представників різних лінгвістичних шкіл розглядали поняття прототипа: Г. Пантам, Дж. Лакофф, У. Лабов, Л. Вітгенштайн, А. Ве-

¹ Аристотель вважав, що один об'єкт зовнішнього світу може належати лише до однієї категорії, оскільки границі категорії є чітко окресленими та не можуть перетинатися.

жбицька, Р. Гжегорчикова та інші науковці намагалися запропонувати власні підходи і методи дослідження структури категорії.

Дж. Лакофф стверджує, що категорії не можна розглядати лише як сутності, що об'єднують елементи зі спільними характеристиками. У своїй книзі «Жінки, вогонь та небезпечні предмети» [4] автор наголошує на усіх складнощах, з якими стикається вчений при дослідженні процесу категоризації. Він наводить приклад з мови австралійських аборигенів д'їрбал, у якій є категорія *balan*, яка об'єднує в собі лексичні одиниці, що позначають осіб жіночої статі, одиниці, що позначають вогонь, небезпечні речі; крім цього, до цієї категорії також входять птахи, які не є небезпечними, й окремі представники тваринного світу, такі як качкодзьоб, бандикут та схидна. Бачимо, що процес категоризації є дуже складним.

Категорія «музичні інструменти» присутня у всіх культурах, оскільки нема народів, які не грали б на музичних інструментах. В залежності від місця проживання народу, його історичного та соціального розвитку змінювалися та розвивалися музичні інструменти, які спочатку виконували певні обрядові функції, а потім їм почали приписувати радше естетичне, аніж сакральне значення.

Незважаючи на глобалізацію сучасного суспільства, категорія музичних інструментів не перестає бути культурно маркованою, що значно відрізняє її від інших категорій, присутніх у свідомості сучасної людини. Ми вже провели дослідження, скероване на виявлення структури цієї категорії в свідомості українських студентів немuzичного профілю [5], але нас зацікавило різнобічне висвітлення цієї проблеми, а саме, дослідження національно-культурної маркованості цієї категорії.

Метою статті є встановлення структури категорії «музичні інструменти» в свідомості кримськотатарських студентів немuzичного профілю за допомогою психолінгвістичного експерименту, виділення характеристик музичних інструментів, які допоможуть віднести кожний з них до ядра категорії, зони, прилеглої до нього або ж до периферійної зони категорії «музичні інструменти».

Викладення основного матеріалу. Наше дослідження представляє собою психолінгвістичний експеримент, метою якого є структуризація категорії «музичні інструменти» у свідомості представників кримськотатарської культури. Експеримент було проведено у квітні 2009 р. зі студентами історично-філологічного факультету Кримського інженерно-педагогічного університету (АРК, м. Сімферополь). Респондентами ви-

ступили 63 студента кримськотатарської національності віком 17–21 років. Експеримент складався з трьох блоків, але в цій статті ми докладно зупинимося на першому, а саме, на окремих завданнях, які, на нашу думку, повинні сприяти виявленню прототипу категорії «музичні інструменти».

Завданням респондентів було відтворити назви різних музичних інструментів з пам'яті. Опитувані слухали запитання і за короткий часовий проміжок (тривалість варіювала в залежності від складності питання) повинні були дати письмову відповідь на поставлене питання, не спілкуючись між собою.

Загалом респондентам було задано 20 запитань. Проаналізуємо мету, яку ми ставили, задаючи кожне із питань, та наведемо відповіді, які були отримані в цьому експерименті.

1. *Антон Чехов в рассказе «Лошадина фамилия» описал случай, когда один человек забыл фамилию другого, но помнил, что та фамилия вызывала ассоциации с лошадьми. Все окружающие старались помочь ему вспомнить эту фамилию; у каждого из них появлялись разные версии типа «Коняевский», «Лошадников», «Табунов», «Копытин», «Жеребовский» и т. д. Все эти варианты были неправильны, поскольку фамилия, которую нужно было вспомнить, – «Овсов». Задание: придумайте, пожалуйста, несколько «музыкальных» фамилий, в основе которых были бы названия музыкальных инструментов.*

Метою цього завдання було дізнатися, які назви музичних інструментів будуть найчастіше використовуватися для творення «музичних» прізвищ. Припускаємо, що назви тих інструментів, які з'являться у відповідях, чіткіше представлені у свідомості респондентів і тому можуть вважатися найбільш типовими представниками категорії. Для відповіді на поставлене запитання респонденти мали 1 хвилину (цього часу достатньо, аби придумати та записати як мінімум три «музичних» прізвища).

У відповідях на це запитання ми отримали наступну частоту згадок музичних інструментів, від яких були утворені «музичні» прізвища: скрипка – 27%, барабан – 12%, фортепіано – 10,3%, труба – 9,4%, гітара – 8,5%, баян – 8%, дудка (сопілка) – 5,4%, балалайка – 4,5%, акордеон – 2,7%, гармошка – 2,2%, саксофон та контрабас – по 1,8%, бубон – 1,3%, бандура та флейта – по 0,9%, ложки, арфа, ліра, віолончель, гуслі, саз, мандоліна – по 0,4% для кожного інструмента.

Отже, найбільш популярними є скрипка, барабан, фортепіано, труба, гітара та баян. Припускаємо, що саме ці музичні інструменти можуть

належати до ядра категорії «музичні інструменти».

Цікаво зазначити, що кримськотатарський народний інструмент саз був згаданий лише двома респондентами: індекс його частотності у відповідях становить 0,4%, що свідчить про те, що саз не є популярним інструментом, але, попри це, він присутній в концептосфері деяких кримськотатарських студентів. Низький індекс частотності виявлений і в українського народного інструмента бандури, але, на відміну від сазу, її індекс – 0,9%.

Що стосується формотворчих суфіксів, які були використані опитуваними для творення прізвищ, то більшість із них є російськими: *-ов, -ев, -ин* (Баянников, Скрипачев, Дудкин тощо). Зустрічалися й українські: *-ник, -енко* (Скрипник, Трубаченко). Цікавим було додавання типового татарського суфікса *-джи* з семантикою діяча при творення прізвища (Барабанджи), зустрічався і вірменський суфікс *-ян* (Акордеонян, Арфанян). Деякі «музичні прізвища» являли собою назву інструмента (Скрипка) чи виконавця (Трубач).

2. *Амета отдают учиться в музыкальную школу. На каком инструменте он скорее всего будет играть?*

Це запитання повинно стимулювати респондентів пригадати інструменти, на яких навчають грати в музичній школі, і виділити з них ті, на яких захотів би грати татарський хлопчик, тобто респонденти вибиратимуть типовий «хлопчачий» інструмент. Відповіді на це запитання важливі не лише тому, що ми дізнаємося, який інструмент є найпопулярнішим в музичних школах, а припускаємо, що у відповідях з'явиться набір інструментів, які, на думку респондентів, є типово чоловічими. Ми обрали кримськотатарське ім'я *Амет* для того, аби актуалізувати лінгвокультурний компонент при відповідях на це запитання. Для відповіді було дано 10 секунд, оскільки потрібно було вказати лише один інструмент.

Відповіді на це запитання дали можливість визначити частоту згадок різних музичних інструментів: скрипку вважають досить популярним інструментом музичної школи – 25%, акордеон теж має досить високу частотність – 21,5%, фортепіано – 15,3%, труба – 9,2%, баян та барабани – по 6%, гітара та кларнет – по 5%, саксофон – 3%, флейта, балалайка та синтезатор – по 1,5%.

Припускаємо, що респонденти вважають скрипку та акордеон «хлопчачими» музичними інструментами; крім цього, вони можуть вважатися популярними і знаходитися в ядерній зоні категорії «музичні інструменти».

3. *Гульнару отдают учиться в музыкальную школу. На каком инструменте она скорее всего будет играть?*

Це запитання дуже схоже на попереднє, оскільки у ньому йдеться про музичну школу та інструменти, які є у ній популярними. Підкреслимо, що це та попереднє запитання в опитуванні не стояли поруч, тому респонденти не акцентували увагу на тому, що в одному фігурує дівчинка, а в іншому – хлопчик. Важливим аспектом у цьому запитанні є гендерний – цього разу прагнемо дізнатися, який інструмент, на думку респондентів, є «дівчачим». Зауважимо, що ім'я дівчинки, яку віддають навчатися до музичної школи (*Гульнара*), було використане нами для того, аби якомога більше наблизити респондентів до кримськотатарських реалій та занурити їх у їхнє лінгвокультурне середовище, яке іноді нівелюється у зв'язку із русифікацією кримських татар.

В результаті аналізу відповідей на це запитання бачимо, що найпопулярнішими інструментами, на яких дівчата грають в музичній школі, є скрипка (48%) та фортепіано (46,3%); решта інструментів, які були згадані опитуваними (гітара, арфа, баян, флейта), мають значно нижчий індекс частотності – по 1,4% на кожен інструмент.

Якщо порівняти дані, отримані при відповідях на запитання 2 та запитання 3, бачимо, що скрипка вважається однаково популярним інструментом в музичній школі як для хлопців, так і для дівчат. Однак на другому місці популярності для хлопців опинився акордеон, а для дівчаток – фортепіано (пор. 46% для дівчат і 15,3% для хлопців).

Припускаємо, що ці інструменти знаходяться в ядерній зоні, коли йдеться про «хлопчачі» / «дівчачі» музичні інструменти.

4. *Молодая писательница Эльмира Нота написала рассказ для детей под названием «Музыкальная лужайка». Имя главного персонажа – это название музыкального инструмента. Как Вы думаете, как зовут главного персонажа?*

У відповіді на це запитання потрібно використати назву лише одного музичного інструмента. На нашу думку, це наблизить респондента до прототипа категорії, до найтипівішого її об'єкта, який буде найлегше відтворений з пам'яті. Ім'я письменниці – кримськотатарське. Воно має стимулювати відтворення і народних інструментів кримських татар. Для відповіді на запитання опитуваним було надано 10 секунд – це часове обмеження однакове для всіх запитань, у відповідях на які потрібно було написати лише один музичний інструмент.

Найвищий індекс частотності має скрипка (37%): саме цей інструмент було взято за основу при творенні імен казкових героїв (*Скрипочка, Скрип, Скрипана* тощо). Можемо вважати скрипку одним із прототипових інструментів. Решта згаданих інструментів були менш частотними: флейта та барабан – по 10%, фортепіано – 6,7%, кларнет та гітара – по 5%, труба, дудка (сопілка), віолончель, саз, баян, акордеон – по 3,4%, бандура, гармошка, саксофон – по 1,7%.

Досить багато імен героїв являли собою назву інструмента (*Барабан, Труба*) або назву інструмента зі зменшувальними суфіксами (*Акордеончик, Гитарочка*). Траплялися й досить незвичні імена головного героя: *Клара* (від кларнет), *Гармоша* (від гармошка), *Гитарона* (від гітара), *Пианиночка* (від пианино), *Роялочка* (від рояль), *Сакс* (від саксофон). Зауважимо, що деякі імена являли собою назву кримськотатарського народного інструмента – сазу (*Саз*).

5. *Десятилетня Адиля тільки що вернулась с концерта, на котором она увидела и услышала множество инструментов. Дома она сказала родителям, что хочет играть на... На каком инструменте хочет играть девочка?*

Ставлячи таке запитання, ми мали на меті дізнатися, який інструмент міг би сподобатися кримськотатарській дівчинці на концерті. При цьому ми не вказували, на якому саме концерті дівчинка була (класичної, народної музики тощо), тому вважаємо, що респонденти відтворять назву музичних інструментів, які є найпопулярнішими в цій категорії, тобто такі, які є найближчими до прототипу.

Респонденти вважають, що після відвідин концерту дівчинка найімовірніше захотіла б навчитися грати на скрипці та фортепіано – частота згадування кожного з цих інструментів 45%. Решта відповідей містили згадки флейти, кларнету, гітари, контрабасу, арфи та балалайки – по 1,6% для кожного інструмента.

Чітко бачимо, що результати відповідей на це запитання узгоджуються з відповідями на запитання 3 (про дівчинку, яку віддають навчатися до музичної школи) – у відповідях на обидва запитання найчастотнішими є скрипка та фортепіано.

Припускаємо, що ці інструменти потрапляють до центральної зони категорії «музичні інструменти» та можуть вважатися «дівчачими».

6. *Моя мама влюбила в папу, потому что он хорошо играл на ... На каком инструменте играл мой папа?*

Метою цього запитання є дізнатися, який інструмент респонденти вважають «найромантичнішим» серед усіх музичних інструментів, на

яких потенційно міг би грати чоловік, аби когось сподобатися. Припускаємо, що романтичним може вважатися якийсь популярний інструмент, тобто той, який може знаходитися у зоні, прилеглий до ядра категорії.

«Найромантичнішими» інструментами можна вважати ті, частотність згадування яких у відповідях є найвищою. Таким музичним інструментом є гітара (38%). Решта інструментів були згадані значно меншу кількість разів: фортепіано та скрипка – 9,8%, саксофон та акордеон – по 8,4%, барабан та труба – по 5,6%, флейта та кларнет – по 2,8%, дудка (сопілка), гармонь (гармошка), мандоліна, бубон, баян, контрабас – по 1,4% для кожного інструмента.

Отже, гітара є «найромантичнішим» інструментом. Крім цього, вона є інструментом, який повноправно може вважатися «чоловічим». Фортепіано та скрипка мають значно менший індекс частотності, тому вони можуть вважатися менш «чоловічими».

Підтвердження цього припущення маємо в результатах запитань 3 та 5, у яких йшлося про «дівчачі» інструменти, де фортепіано та скрипка виявилися потенційно найпопулярнішими серед дівчат. Зустрічаються російськомовні анекдоти, де гітарі присвоюються «романтичні» характеристики (пор. російські анекдоти про музикантів та музичні інструменти), тому можемо вважати результати нашого дослідження репрезентативними.

Зауважимо, що серед усіх інструментів, які були згадані у відповідях на запитання 6, є досить велика кількість духових (саксофон, труба, флейта, кларнет, сопілка). Припускаємо, що респонденти вважають духові інструменти більш популярними серед чоловіків, аніж серед жінок. Цей факт легко пояснюється тим, що у чоловіків з точки зору фізіології більше задатків для гри на таких інструментах (напр. розвиток діафрагми тощо).

7. *Злая фея заколдовала город, и все люди крепко заснули. Жителей города разбудит только игра на... На каком инструменте, по Вашему мнению, нужно сыграть?*

Ми прагнули дізнатися, звучання якого музичного інструмента може найбільшою мірою вплинути на слухача. Беремо до уваги не лише популярність / непопулярність певного музичного інструмента, а його звучання, не обмежуючи критерієм мелодійності / респондентів немелодійності звучання інструмента (пор. *барабан та скрипку*).

Респонденти вважають, що типовим інструментом, за допомогою якого можна розбудити поснуле місто, є барабан (30,2%). Згадування цього інструмента є цілком виправданим, адже

барабан – інструмент із голосним звуком. Значно рідше згадувалися інші музичні інструменти: скрипка – 17%, труба – 14,5%, флейта – 13%, дудка (сопілка) та фортепіано – по 5,3%, арфа – 3,9%, саксофон та гітара – по 2,6%, балалайка, орган, кларнет та акордеон – по 1,3%.

8. *Человечеству удалось установить контакт с внеземными цивилизациями. Земляне пригласили новых друзей в гости. Для презентации культуры Земли выбрали одного музыканта. На каком инструменте он будет играть?*

Це запитання було скероване на те, щоб дізнатися, який інструмент має найбільшу ймовірність потрапити до ядра категорії «музичні інструменти». Припускаємо, що респонденти обериуть інструменти, які вони вважають найтиповішими для культури всього людства. Ймовірно, що до класу таких інструментів не входитимуть культурно марковані об'єкти.

Більшість респондентів вважають, що інструментами, які найкраще представляють культуру всього людства і, відповідно, є «найкращими» представниками категорії, є скрипка (21,5%) та фортепіано (20%). Обидва інструмента дуже часто отримували найвищий індекс частотності, тому припускаємо, що вони знаходяться в ядрі категорії «музичні інструменти».

Решта інструментів були згадані не так часто: труба – 10,7%, флейта, барабан та гітара – по 7,7%, саксофон – 4,6%, електронний музичний інструмент синтезатор, кларнет та арфа – по 3%, баян, віолончель, орган, балалайка, гармошка, дудка, контрабас – по 1,5% для кожного з інструментів.

Цікаво зазначити, що деякі респонденти вважають синтезатор інструментом, який може представляти культуру Землі. Вважаємо, що така думка може бути обґрунтована так: сучасна популярна естрадна музика виконується за допомогою безлічі електронних інструментів та пристроїв, одним із яких є синтезатор. Люди бачать його по телебаченню та у повсякденному житті, тому цей інструмент можна вважати досить популярним. Цікаво, що синтезатор дуже часто називають за назвою торгової марки, яка виробляє музичні інструменти і, зокрема, синтезатори, – «Ямаха» (англ. Yamaha).

Висновки. Проаналізовані результати відповідей на запитання першого блоку експерименту дають нам підстави стверджувати, що існує кілька музичних інструментів, які можуть належати до ядра категорії «музичні інструменти» чи зони, прилеглої до нього.

Відповіді на запитання дозволяють виділити найчастотніші інструменти, які вважаємо найкраще представленими в концептосферах респондентів – кримськотатарських студентів немужичних спеціальностей. Такими інструментами є скрипка та фортепіано, яким притаманна найбільша частота згадувань. Відносимо їх до ядра категорії. У прилеглої до ядра зони розташувалися гітара, барабан, акордеон та труба. Периферійну зону заповнили балалайка, орган, віолончель, контрабас, гармошка, саз, бубон, арфа, синтезатор та мандоліна.

«Найромантичнішим» «чоловічим» інструментом є гітара, найголоснішим – барабан, «хлопчачими» – акордеон та скрипка, «дівчачими» – скрипка та фортепіано. При цьому зауважимо, що до «чоловічих» інструментів респонденти віднесли представників групи духових: саксофон, трубу, флейту, кларнет та сопілку (пор. дудка).

Прізвища та імена студенти створювали переважно на основі прототипового інструмента – скрипки. У відповідях на запитання зустрічався лише один кримськотатарський народний інструмент – саз. Припускаємо, що це свідчить про малу обізнаність респондентів з цим народним інструментом, і, як показав експеримент, цей музичний інструмент знаходиться на периферії категорії у концептосферах опитаних.

Наступним етапом нашого дослідження буде аналіз другої та третьої частин психолінгвістичного експерименту з кримськотатарськими студентами та виявлення закономірностей категоризації музичних інструментів у їх свідомості.

ЛІТЕРАТУРА

1. Rosch E. H. Human categorization / E. H. Rosch // *Advances in crosscultural psychology*. – L. Acad. Press, 1975.
2. Левченко О. Термін *прототип* у лінгвокультурології [Електронний ресурс] / О. Левченко // *Вісник Національного університету «Львівська політехніка»*. – 2004. – № 503. – С. 58–60. – Режим доступу : http://lp.edu.ua/tc.terminology/TK_Wisnyk503/TK_wisnyk503_levchenko.htm
3. Психолінгвістика // *Энциклопедия «Кругосвет»* [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/PSIHOLINGVISTIKA.html
4. Lakoff G. *Women, Fire and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind* / George Lakoff. – The University of Chicago Press, 1987. – 614 p.
5. Жуйкова М. В. Категорія «музичні інструменти» в концептосфері українських студентів немужичного профілю / М. В. Жуйкова, О. Г. Хаджиоглова // *Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Выпуск 13. Филологические науки*. – Симферополь : НИЦ КИПУ, 2008. – С. 26–30.

СПЕЦИФИКА АКТАНТА ПРОЦЕССУАЛЬНОСТИ ПРИ ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНО-ФРЕЙМОВОМ МОДЕЛИРОВАНИИ ФРАГМЕНТОВ ГНЕЗД ОДНОКОРЕННЫХ СЛОВ, ОПИСЫВАЮЩИХ СФЕРУ ТОРГОВЛИ

Стаття пропонує детальний опис однієї з складових ситуації-пропозиції при фреймовій структуризації сукупності однокорінних слів єдиної концептуальної сфери, визначаючи межі семантичного наповнення актанта процесуальності та специфіку його лексичного виразу.

Ключові слова: фрейм, пропозиція, ситуація, актант процесуальності, семантична структура.

Статья предлагает детальное описание одной из составляющих ситуации-пропозиции при фреймовом структурировании совокупности однокоренных слов единой концептуальной сферы, определяя границы семантического наполнения актанта процессуальности и специфику его лексического выражения.

Ключевые слова: фрейм, пропозиция, ситуация, актант процессуальности, семантическая структура.

The article offers a detailed description of process component of situation-proposition of frame model of cognate words picturing common conceptual sphere, denoting peculiarities of its semantic content and lexical expression.

Key words: frame, proposition, situation, process component, semantic structure.

Постановка проблеми. Гнездо однокоренних слів як єдинця лінгвістического дослідження знову привертає увагу учених, працюючих в області когнітивного словообрання, при цьому особе увагу надається семантическої структурі изучаемої комплексної єдиници.

Аналіз публікацій. Совокупність слів с обшим корнем и єдиною семантикою рассматривается как результат категоризующей діяльності познающего суб'єкта, что позволяет говорить о пропозиціонально-фреймовій організації однокоренних слів, являючоїся отражением концептуальної структури мислительних процесов, протекаючих в голове человека. Методика пропозиціонально-фреймового аналіза гнезда однокоренних слів, предложена М. А. Осадчим [1], становится все более актуальной в современных лінгвістических изысканиях. Аналіз ситуації и ее составляющих позволяет определить, какие актанты пропозиції являются необходимыми и достаточными при описании семантическої структури комплексної єдиници словообрання [2].

Основываясь на когнітивній моделі діяльності, представленній в работах [3–6], мы предлагаем выделение восьми основных элементов при структурировании ситуации: субъекта, характеризующегося активным началом (*S*), предиката, обозначающего действие (*P*), объекта, на который направлено действие (*O*), инструмента, при помощи которого осуществляется действие (*I*), процесса протекания действия (*R*₀), результата или цели действия (*R*), локатива

или места, где происходит действие (*L*) и времени протекания действия (*T*).

Особое внимание следует обратить на то, что предлагаемая пропозиціонально-фреймовая модель содержит дублирование названия действия через актант процесуальности (*R*₀). Подобное явление представляет результат языкового оформления универсального свойства человеческого мышления представлять отношение как вещь и обеспечивается следующим механизмом: «фрагмент мира уже поименован единицей лексического уровня, осуществляется лишь перекаатегоризация лексической семантики с целью ее иного включения в синтаксическую структуру высказывания» [7, с. 45]. Поверхностная формально-грамматическая трансформация отглагольного существительного дает ему возможность занять новую актантную позицию, но при этом не создается нового пропозитивного содержания [7, с. 71], поэтому глагол и имя, называющие одно действие, включаются в рамки одной пропозиції, и не могут функционировать в разных пропозициях одного фрейма. Имя, сохраняя значение процесса, получает возможность представлять его обобщенно, вне конкретной привязанности к временной оси, при этом «отглагольное существительное может быть более или менее «предметным» – в наибольшей степени обобщая актантную структуру и представляя процесс как вневременное свойство, или более глагольным, актуализируя с помощью окружения актантную структуру и видоременные смыслы» [7, с. 67]. Е. В. Урысон определяет имена, функционирующие в роли

процесса, как «отглагольные существительные со значением ситуации» [8, с. 139].

М. А. Осадчий выносит отглагольные существительные за пределы ситуации, подчеркивая, что синтаксический дериват символизирует ситуацию в целом [1, с. 90].

Цель статьи – детальное рассмотрение семантического содержания и структурного выражения актанта процесса протекания действия при пропозиционно-фреймовом моделировании отношений между однокоренными словами, что вызвано необходимостью расширения понимания данного фрагмента концептуального представления ситуации объективной реальности при его словной объективации.

Изложение основного материала. Анализ исследуемого материала (фрагменты гнезд однокоренных слов, описывающих сферу торговли) позволяет высказать предположение не только о возможности, но и необходимости включения отглагольного существительного в рамки участников ситуации на правах актанта процесса протекания действия. Рассмотрим IX пропозицию фрейма ТОРГОВЛЯ:

(X) некто (S) – выставляет (P) – (X) нечто (O) – на **торги** (4. *публичная продажа имущества, аукцион*) (R_0),

в которой существительное со значением ситуации [8, с. 139], символизирующее ситуацию в целом [1, с. 90], является «поводом» для выделения микроситуации в пределах общего фрейма, так как в его семантике присутствует соответствующий **фреймовый акцент**, то есть имманентное указание на определенную стереотипную ситуацию [1, с. 68]. Порождение ситуации ее процессуальной составляющей сопровождается одновременным устранением объекта и низведением субъекта [7, с. 76]. В данном случае существительное со значением действия актуализирует актантную структуру: семантическое наполнение лексемы указывает на имплицитные семы субъекта (S), предиката (P) и объекта (O), не объективированные однокоренными словами. Таким образом, являясь *именем* ситуации, существительное свидетельствует о *существовании* поименованного классифицирующим сознанием познающего субъекта фрагмента действительности, а следовательно, служит порождению ситуации в рамках фрейма.

Большинство фреймов представляют ясные случаи заполнения позиции актанта процессуальности отглагольными существительными, например, как нижеприведенный фрейм ИЗГОТОВЛЕНИЕ:

изготовитель (S) – **изготавливает** (*завершает изделие*) (P) – (X) нечто (O) – используя **заготовки** (*не вполне готовое изделие или его часть*)

(I) – в процессе **изготовления** (R_0) – в результате получается (X) нечто **готовое** (3. *годное к употреблению, использованию*) (R).

Наряду с синтаксическими дериватами, статус которых достаточно четко определен в рамках ситуации и пропозиции лингвистической литературой, исследуемый материал (фрагменты гнезд однокоренных слов, описывающих сферу торговли) представляет сложные для рассмотрения и анализа случаи. Актант процессуальности может быть объективирован:

1) иноязычными заимствованными именами (**импорт, реимпорт, экспорт, реэкспорт, демпинг, рамбурс**), от которых в некоторых случаях в процессе их усвоения русским языком образовались глагольные формы; соотносительность с актантом процессуальности определяется семантическим наполнением слов: *ввоз* – для лексем **импорт, реимпорт, вывоз – для лексем **экспорт, реэкспорт, продажа** – для лексемы **демпинг, оплата** – для лексемы **рамбурс**;**

2) сложными словами, состав которых: 1) указывает на предикат и объект ситуации (**продуктообмен, хлеботорговля, книготорговля, виноторговля, лесоторговля, рыборговля, товародвижение, товарооборот, товароведение, ценообразование**), 2) указывает на предикат и инструмент ситуации (**налогообложение**), 3) указывает на предикат и место ситуации (**аукцион-распродажа**), 4) акцентирует внимание на двусторонности осуществляемого действия (**купля-продажа**). Мы считаем необходимым включение сложносоставных слов во фрейм-структуру однокоренных слов на основании того, что, во-первых, они содержат фреймовый акцент, позволяющий выделить ситуацию в рамках фрейма. Во-вторых, в системе другого языка данное понятие может быть представлено как производным, так и непроизводным словом, что напоминает нам о соотносительности актантных позиций с ментальным уровнем, на котором слова представлены в виде комплексных концептов знания, включенных в те или иные виртуальные ситуации, субъективно-объективным образом отражающие ситуации действительности;

3) сочетанием однокоренного имени прилагательного с неоднокоренным существительным (**производственный** (процесс), **предпринимательская** (деятельность), **торговая** (деятельность), **товарное** (производство), **товаропродвигаящая** (деятельность), **товароведная** (деятельность), **коммерческая** (деятельность), **конкурентная** (торговля), **посредническая** (деятельность), **комиссионная** (торговля), **контрабандистская** (деятельность), **таможенный** (досмотр), **меновая** (торговля), **теневая** (деятель-

ность), **беспатентная** (торговля), **оптовая** (торговля), **оптово-сбытовая** (деятельность), **псевдооптовая** (торговля), **партионная** (продажа), **мелочная** (торговля), **барышнический** (промысел), **экспертно-потребительская** (оценка), **ростовщическая** (деятельность), **накопительская** (деятельность), **безналичный** (расчет)); соотнесение имени прилагательного с той или иной позицией в рамках пропозиции достаточно четко определено в работах [2; 9];

4) описательной конструкцией, содержащей однокоренное существительное.

Обратимся к более подробному рассмотрению последнего случая. Приведем фрагменты фреймов, содержащих подобные описательные конструкции:

ДЕЛО (1)

IV. **деляга** (*человек, преследующий в деле только ближайшую выгоду*) (*S*) – **делает** (*P*) – **дело/дельце/ делишки** (*O*) – с **деляческим** (подходом) (*I*) – в процессе деятельности, которая характеризуется **делячеством** (*поведение деляги, узкий практицизм*) (*R₀*);

БЕРЕЧЬ (2)

бережное расходование

I. (X) некто **бережливый** (*S*) – **бережет** (*расчетливо тратит*) (*P*) – в процессе деятельности, которая характеризуется **бережливостью** (*R₀*);

ЭКОНОМИТЬ (3)

бережливость

I. (X) некто **экономный** (*S*) – **экономит** (*сберегает/ сэкономил/ наэкономил (накопил)*) (*P*) – используя **экономичные** (средства, способы) (*дающие экономию*) (*I*) – в процессе **экономии** (2. *бережливость, расчетливость при расходовании чего-л.*) (*R₀*);

РАСТОЧАТЬ (ДЕНЬГИ) (4)

(X) некто **расточительный** (*много и нецелесообразно тратящий, расходующий что-нибудь*) (*S*) – **расточает** (*безрассудно тратит*) (*P*) – деньги (*O*) – в процессе **расточения**, а также действий, которые характеризуются как **расточительность/ расточительство** (*расточительные траты, мотовство*) (*R₀*).

БАНКРОТ (5)

(X) некто (*S*) – **обанкротился** (*P*) – и в процессе **банкротства** (*несостоятельность, которая сопровождается прекращением платежей по долговым обязательствам*) (*R₀*) – стал **банкротом** (*несостоятельный должник, который отказывается платить своим кредиторам вследствие разорения*)/ приобрел **банкротский** (статус) (*R*).

Лексемы, занимающие позицию процесса протекания действия (*R₀*), указывают на некие особенности субъекта, одновременно характеризуя действие номинируемой ситуации. **Делячество** определяется как поведение деляги, бе-

режливость – как бережное расходование бережливого человека, экономия – как бережливость экономного человека при расходевании чего-либо, расточительство – как мотовство, расточительные траты расточительного человека, банкротство – как некая несостоятельность, неспособность обанкротившегося человека выполнять определенные действия. Сложность соотнесения названных имен действия с актантом процессуальности определяется их оценочным статусом: любое действие может быть рассмотрено как **бережливость, экономия** либо как **расточительность/ расточительство**, последнее может привести к прекращению деятельности – данная нулевая деятельность также имеет свое имя – **банкротство**. **Делячество** как специфичный поведенческий комплекс также может сопровождать любую деятельность. Таким образом, оценочность семантики исследуемых лексем выводит смысл ситуации на обобщенный, расширенный уровень, характеризуя не конкретные действия, а любую деятельность, что приводит к сложности актантной трактовки данных слов. С другой стороны, включенность ситуаций в определенный фреймовый контекст, связанный с описанием торговой сферы, позволяет сузить предполагаемую соотнесенность семантического наполнения лексем. Семантическая структура рассматриваемых имен содержит сему «некое состояние субъекта в определенных временных рамках», определяя соотнесенность исследуемых существительных с процессуальной составляющей ситуации-пропозиции.

Таким образом, при заполнении актанта процессуальности однокоренными словами необходимо учитывать следующие основные особенности семантического содержания имени: 1) имя существительное называет всю ситуацию в целом и может рассматриваться как имя данной ситуации; 2) имя существительное содержит семы 'действие', 'процесс' или 'состояние', которые характеризуют субъект как активного источника данного действия, процесса или состояния. Имя существительное со значением процессуальности актуализирует актанты пропозиции, указывая на них либо эксплицитно (сложносоставные имена), либо имплицитно (семы, входящие в состав слова). Соотнесение имен прилагательных с актантом процессуальности определяется их семантической сочетаемостью с определенными существительными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Осадчий М. А. Пропозиционально-фреймовое моделирование гнезда однокоренных слов (на материале русских народных говоров) : дис. ... канд. филол. наук / М. А. Осадчий. – Кемерово, 2007.

2. Шабалина А. Н. Пропозиционально-фреймовая организация фрагментов гнезд однокоренных слов, описывающих сферу торговли : дис. ... канд. филол. наук / А. Н. Шабалина. – Кемерово, 2008.
3. Гак В. Г. Номинация действия / В. Г. Гак // Логический анализ языка. Модели действия. – М., 1992. – С. 77–84.
4. Григорян Е. Л. Действие и деятель / Е. Л. Григорян // Логический анализ языка. Модели действия. – М., 1992. – С. 96–102.
5. Кубрякова Е. С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики / Е. С. Кубрякова // Логический анализ языка. Модели действия. – М., 1992. – С. 84–90.
6. Позднякова Е. М. Словообразовательная категория имен деятеля в английском языке (когнитивный аспект исследования) / Е. М. Позднякова. – Москва – Тамбов, 1999.
7. Резанова З. И. Функциональный аспект словообразования: Русское производное имя / З. И. Резанова. – Томск, 1996.
8. Урысон Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике / Е. В. Урысон. – М., 2003.
9. Петров А. В. Актантные значения адъективов / А. В. Петров // Явление вариативности в языке : материалы Всеросс. конф. (13–15 декабря 1994 г.). – Кемерово, 1997. – С. 281–287.